Д'ЭРВИЛЬИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА“

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ НЕРУССКИХ ШКОЛ

Д'ЭРВИЛЬИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

Обработка Б. М. Энгельгардта

Рисунки Э. Кондиайн

Д $\frac{0762-281}{101(03)-73}$ 585—73

ПРЕДИСЛОВИЕ

Когда́ я был шко́льником, мне ка́к-то попа́лась в ру́ки э́та кни́га. Я по́мню, как увлекла́ она́ меня́ с пе́рвых же страни́ц и с каки́м волне́нием я следи́л за приключе́ниями Кре́ка — ма́льчика, жи́вшего мно́го ты́сяч лет тому́ наза́д. Осо́бенное впечатле́ние произвело́ на меня́ то собы́тие в жи́зни Кре́ка, кото́рое оказа́ло тако́е большо́е влия́ние на всю его́ после́дующую жизнь. Это тот слу́чай, когда́ Крек, кото́рому его́ соро́дичи дове́рили их са́мое большо́е сокро́вище — ого́нь, не суме́л его́ сохрани́ть, и ого́нь пога́с, а вме́сте с ним, каза́лось, умерла́ и вся жизнь. Ведь лю́ди не уме́ли добыва́ть ого́нь — они́ могли́ его́ то́лько подде́рживать и сохраня́ть. Я пережива́л вме́сте с Кре́ком э́то стра́шное собы́тие в его́ жи́зни и в жи́зни его́ родны́х и бли́зких. И с како́й ра́достью я пото́м прочита́л, что не всё ещё поте́ряно, что Крек случа́йно узна́л от Фо — чужезе́мца, челове́ка из друго́го пле́мени, — спо́соб добыва́ния огня́ — и ого́нь сно́ва запыла́л!..

Жаль бы́ло закрыва́ть после́днюю страни́цу кни́ги и расстава́ться с её геро́ями, хоте́лось узна́ть ещё бо́льше об их жи́зни, тако́й тру́дной, по́лной опа́сностей, тако́й не похо́жей на на́шу жизнь. Но пото́м оказа́лось, что э́то возмо́жно и что для э́того ну́жно чита́ть кни́ги по исто́рии — и они́ расска́жут, как жи́ли лю́ди в те далёкие времена́. Оказа́лось, что тако́й же жи́знью, како́й жи́ли Крек и его́ друзья́, како́й жи́ли на́ши далёкие пре́дки, ещё и в на́ши дни живу́т лю́ди в тропи́ческих леса́х Африки, Южной Аме́рики, Юго-Восто́чной Азии, в пусты-

нях Австра́лии. О жи́зни э́тих люде́й расска́зывают путеше́ственники, учёные, кото́рые у них побыва́ли. Пра́вда, они́ живу́т в други́х приро́дных усло́виях, в друго́м кли́мате, их окружа́ют други́е расте́ния, их леса́ населены́ други́ми живо́тными, и всё же их жизнь о́чень напомина́ет жизнь тех люде́й, о кото́рой расска́зывает э́та кни́га, о кото́рой расска́зывают кни́ги по исто́рии.

Расскажу́ немно́го и я о жи́зни одного́ тако́го пле́мени. Оно́ бы́ло откры́то в пусты́нях Центра́льной Австра́лии, не́сколько лет тому́ наза́д. Вы уви́дите, что хотя́ лю́ди э́того пле́мени живу́т совсе́м в ино́й среде́ — не в леса́х, а в пусты́не, не в холо́дном, а в жа́рком кли́мате, охо́тятся не на се́верных оле́ней, а на кенгуру́, — всё-таки в их жи́зни о́чень мно́гое напомина́ет то, о чём расска́зывает э́та кни́га — кни́га о жи́зни доистори́ческого ма́льчика. А э́то зна́чит, что, изуча́я жизнь таки́х племён, мы мо́жем узна́ть о́чень мно́гое и о жи́зни на́ших со́бственных далёких пре́дков.

Пле́мя, о кото́ром я хочу́ рассказа́ть, называ́ется бинди́бу, и бы́ло оно́ откры́то австрали́йскими учёными, кото́рые отпра́вились в пусты́ни Центра́льной Австра́лии в по́исках ещё не изве́стных нау́ке первобы́тных племён. По́сле не́скольких дней по́лного тру́дностей путеше́ствия по вы́жженной со́лнцем пусты́не путеше́ственники обнару́жили руче́й, протека́вший в глубо́ком уще́лье ме́жду высо́кими ска́лами. Здесь росло́ не́сколько дере́вьев, а ме́жду ни́ми стоя́ли небольши́е шалаши́ из ветве́й, ли́стьев и травы́ — укры́тия от со́лнца и непого́ды. Под ка́ждым таки́м укры́тием бы́ло вы́рыто в земле́ небольшо́е углубле́ние — ме́сто ночле́га для одного́ челове́ка, а ря́дом находи́лись оста́тки костро́в, огнём кото́рых лю́ди обогрева́лись в холо́дные но́чи. Это бы́ло сто́йбище небольшо́го пле́мени.

Вско́ре появи́лись и лю́ди. Верну́лись с охо́ты мужчи́ны, неся́ в рука́х охо́тничью добы́чу. Они́ с рассве́та броди́ли по пусты́не в по́исках я́щериц, подбива́ли па́лками птиц, а и́зредка им попада́лись и бо́лее кру́пные живо́тные — кенгуру́ и́ли больши́е нелета́ющие пти́цы — э́му. Кенгуру́ и э́му они́ поража́ли просты́ми деревя́нными ко́пьями.

Вернýлись и жéнщины с мáленькими детьмú. Сáмых мáленьких онú неслú на рукáх, а дéти постáрше шли сáми. Жéнщины и дéти тóже бродúли по пустьíне в пóисках съедóбных корнéй, семя́н, орéхов, всевозмóжных насекóмых и мéлких живóтных, котóрых э́ти лю́ди употребля́ют в пúщу, предварúтельно зажáрив в горя́чей золé úли на ýглях кострá.

Хотя́ биндúбу никогдá прéжде не вúдели бéлых людéй, онú оказáлись добродýшными, гостеприúмными, привéтливыми людьмú. Онú прúняли бéлых путешéственников как своúх друзéй, а не как врагóв, котóрых нáдо опасáться, котóрым нельзя́ доверя́ть. И путешéственникам óчень понрáвились э́ти простьíе, чéстные, прямодýшные лю́ди.

Плéмя биндúбу состоúт всегó из нéскольких деся́тков человéк. По утрáм, на рассвéте, все онú, за исключéнием тóлько беспóмощных старикóв и больньíх, отправля́лись на охóту и на пóиски растúтельной пúщи, а к вéчеру возвращáлись в стóйбище с добьíчей. Онú превосхóдно знáли окружáющую их пустьíню — кáждая ложбúна, кустáрник, ручéй бьíли им хорошó знакóмы с дéтства.

Там, где бéлые путешéственники нерéдко погибáли среди пескóв и скал от жáжды, биндúбу без трудá нахóдят истóчники водьí и никогдá не испьíтывают в ней недостáтка.

Ни землedéлия, ни скотовóдства ни биндúбу, ни остальньíе племенá Австрáлии ещё не знáют. Онú живýт тóлько охóтой, рыболóвством и собирáнием дúких съедóбных растéний — так же, как жúли и нáши далёкие прéдки, как жил Крек и лю́ди егó плéмени.

Для охóты им слýжат кóпья и простьíе метáтельные пáлки. Кóпья онú бросáют с пóмощью осóбой копьеметáлки, сдéланной из дéрева, длинóй óколо полумéтра. На однóм её концé укреплён упóр для копья́. Копьеметáлка при метáнии копья́ как бы удлиня́ет рýку, увелúчивает её размáх и посылáет копьё вперёд на большóе расстоя́ние. На другóм концé копьеметáлки с пóмощью затвердéвшей смольí укреплён кáменный нож. С егó пóмощью биндúбу изготовля́ют кóпья и другúе издéлия из дéрева, разрезáют тýши убúтых на охóте живóтных.

У биндибу набор орудий невелик, но зато некоторые (как, например, копьеметалка) служат для самых различных целей.

Однажды охотнику-биндибу захотелось показать белым путешественникам, как много источников воды известно ему в пустыне. И тогда копьеметалка превратилась в географическую карту. Острым камнем он вырезал на ней многочисленные кружки, соединённые прямыми линиями. Каждый кружок означал какой-нибудь водоём — колодец, озеро, ручей, — а прямые линии означали дороги в пустыне от одного водоёма к другому. Ведь вода для биндибу, этих людей пустыни, — это сама жизнь. Воду они прославляют, слагают о ней песни, и чаще всего поют те песни, где говорится о животворной силе воды.

В то время, как охотники-мужчины никогда не расстаются со своими копьями, женщины, покидая стойбище, не расстаются с длинными, заострёнными на конце палками. С их помощью они выкапывают корни растений, разрывают норы животных. Кроме того, у каждой женщины есть небольшое корытце, сделанное из дерева или коры, — она собирает в него зёрна и семена растений, носит в нём воду. А ночью такое корытце служит колыбелью для ребёнка.

Все свои изделия из дерева биндибу делают грубыми каменными орудиями — такими же, какими работали соплеменники Крека. Иногда биндибу просто подбирают с земли камни с острыми краями и потом работают ими, не подвергая их никакой предварительной обработке. А иногда они обрабатывают эти камни, стремясь сделать их более острыми, и делают это так же, как делали герои нашей книги. Они оббивают одним, более твёрдым, камнем другой, менее твёрдый, стремясь придать ему нужную, подходящую для работы форму. Или они откалывают от одного камня другим камнем или острой костью узкие пластины, из которых они делают потом острые ножи. А однажды белые путешественники, к большому своему изумлению, увидели, как один охотник-биндибу обтачивал край каменного ножа собственными зубами!

Изготовлять металлические орудия ни биндибу, ни дру-

гие австралийские племена́ не уме́ют. Они́ живу́т ещё в ка́менном ве́ке — так же, как жи́ли лю́ди, о кото́рых напи́сано в э́той кни́ге.

Ого́нь бинди́бу и други́е австрали́йские племена́ уме́ют добыва́ть са́ми и де́лают э́то двумя́ спо́собами. Пе́рвый спо́соб — тако́й же, како́й применя́л Фо-чужезе́мец, от кото́рого э́тому иску́сству научи́лись и соплеме́нники Кре́ка. Вот как напи́сано в на́шей кни́ге о том, как впервы́е добы́л ого́нь Старе́йший: «Он сел, взял коро́ткую твёрдую па́лку с ды́рочкой, положи́л её по́д ноги, вста́вил в ды́рочку коне́ц друго́й па́лочки и принялся́ бы́стро верте́ть её ме́жду ладо́нями... Ско́ро из ды́рочки показа́лся лёгкий дымо́к, и клочо́к сухо́го мха вспы́хнул». Но австрали́йцам изве́стен и друго́й спо́соб добыва́ния огня́, вероя́тно ещё бо́лее дре́вний: они́ уме́ют высека́ть и́скру уда́рами ка́мня о ка́мень.

Уже́ в ра́ннем во́зрасте ма́льчики и де́вочки из пле́мени бинди́бу начина́ют помога́ть роди́телям и у́чатся всему́, что уме́ют де́лать взро́слые. Нере́дко мо́жно уви́деть девяти́-десятиле́тнего ма́льчика, вооружённого ма́ленькой мета́тельной па́лицей, терпели́во поджида́ющего, когда́ ста́я птиц опу́стится ря́дом с ним, что́бы метну́ть в неё свою́ па́лицу и порази́ть каку́ю-нибудь из птиц. Ведь он уже́ мужчи́на, бу́дущий охо́тник, он до́лжен учи́ться вы́держке, терпе́нию, наблюда́тельности, ло́вкости — всем тем ка́чествам, каки́ми до́лжен облада́ть настоя́щий охо́тник.

Никако́й оде́жды бинди́бу не зна́ют. То́лько для ходьбы́ по о́стрым камня́м они́ изобрели́ санда́лии, плетённые из коры́. Отсу́тствием оде́жды они́ отлича́ются от соплеме́нников Кре́ка, кото́рые носи́ли оде́жду, сши́тую из шкур живо́тных. Но ведь те жи́ли в суро́вом се́верном кли́мате, а бинди́бу живу́т в жа́рком кли́мате.

Бинди́бу — о́чень ми́рные лю́ди. Они́ живу́т дру́жно, забо́тятся друг о дру́ге, уважа́ют ста́рших, забо́той и внима́нием окружа́ют беспо́мощных старико́в.

Вожде́й у них нет. Но лю́ди справедли́вые, му́дрые, бестра́шные, хоро́шие охо́тники и о́пытные мастера́ — таки́х ав-

стралийцы особенно уважают, с мнением таких людей единодушно считаются, их указания охотно выполняют. Таким человеком был и Старейший, о котором вы прочитаете в этой книге.

Так живут ещё и в наши дни эти люди каменного века. Они живут почти так же, как жили и наши предки много тысяч лет тому назад. Вот почему учёные интересуются жизнью таких племён, вот почему их изучают. Жизнь этих племён помогает понять и жизнь наших собственных далёких предков, тоже живших ещё в каменном веке.

Так же жили и те люди, о которых написана эта книга. Правда, они жили в Европе и в ту далёкую эпоху, которую называют ледниковой. Много тысяч лет тому назад значительная часть Европы, включая и нашу родину, была покрыта льдом. На землях, прилегающих к ледникам, было холодно. Люди одевались в шкуры и жили в пещерах. Там горели костры, было теплее и суше, чем снаружи, но ещё важнее было то, что в пещерах можно было укрыться от нападения опасных хищных зверей и от врагов.

Люди жили небольшими общинами, окружённые враждебными племенами. Изгнание из своего племени было самым страшным наказанием для человека того времени, оно было почти равносильно смерти. Вот почему так переживал это Крек, изгнанный из своего племени.

Автор книги «Приключения доисторического мальчика», когда он писал о том, как и в каких условиях жили первобытные люди, основывался на данных двух наук. Одна из этих наук изучает образ жизни таких современных нам народов, как, например, австралийцы, — наука эта называется этнографией. Другая наука — она называется археологией — изучает, как жили люди сотни и тысячи лет тому назад. Изучает она это по тем остаткам орудий, жилищ, предметов искусства, которые сохранились в земле или в пещерах, где жили первобытные люди.

Но не всё в этой книге на уровне науки наших дней. Ведь наука развивается, люди узнают о прошлом всё больше, и

мно́гое из того́, что каза́лось когда́-то пра́вильным, тепе́рь уже́ не отвеча́ет у́ровню на́ших зна́ний.

Начнём с того́, о чём мы уже́ говори́ли, — с огня́. В кни́ге о́чень я́рко изображена́ смерть огня́ — тот стра́шный для люде́й час, когда́ ого́нь поту́х. Они́ при́няли э́то как смерть са́мого дорого́го существа́. И э́то бы́ло действи́тельно ужа́сным для них собы́тием, е́сли они́ не уме́ли добыва́ть ого́нь. Но мы уже́ зна́ем, что австрали́йцы, кото́рые ведь то́же живу́т в ка́менном ве́ке, уме́ют добыва́ть ого́нь и де́лают э́то да́же двумя́ спо́собами — высве́рливанием, с по́мощью двух деревя́нных па́лочек, и высека́нием и́скры уда́рами ка́мня о ка́мень. И у нас возника́ет обосно́ванное сомне́ние в том, что геро́и на́шей кни́ги ещё не зна́ли ни одного́ из э́тих спо́собов, что э́ти спо́собы изве́стны бы́ли в то вре́мя то́лько немно́гим лю́дям. Скоре́е всего́, спо́собы иску́сственного добыва́ния огня́ в э́то вре́мя уже́ бы́ли широко́ распространены́ и хорошо́ изве́стны мно́гим.

Есть и ещё одна́ нето́чность, гора́здо бо́лее ва́жная, — и о ней то́же необходи́мо здесь сказа́ть. Ка́менный век был о́чень дли́тельной эпо́хой в исто́рии челове́чества — он продолжа́лся мно́го ты́сяч лет. Культу́ра челове́чества всё э́то вре́мя не стоя́ла на ме́сте, а развива́лась. Создава́лись но́вые, всё бо́лее соверше́нные ору́дия. Если снача́ла лю́ди то́лько уме́ли оббива́ть и раска́лывать ка́мень, то постепе́нно они́ научи́лись его́ шлифова́ть, и тогда́ появи́лись замеча́тельные, гла́дко отшлифо́ванные ка́менные ору́дия, о́чень про́чные и о́стрые. Де́лались всё но́вые откры́тия и изобрете́ния, — так и в э́той кни́ге расска́зывается о том, как её геро́и случа́йно изобрели́ плот. Создава́лись всё бо́лее соверше́нные ви́ды жили́щ: е́сли снача́ла лю́ди жи́ли преиму́щественно в пеще́рах, то постепе́нно они́ научи́лись стро́ить настоя́щие дома́, в том числе́ да́же на сва́ях. Если снача́ла лю́ди жи́ли то́лько охо́той, рыболо́вством и собира́нием ди́ких расте́ний, то постепе́нно они́ научи́лись са́ми выра́щивать поле́зные расте́ния — появи́лось земледе́лие, приучи́ли живо́тных — появи́лось ското́водство. Если снача́ла лю́ди то́лько пекли́ и жа́рили свою́

пи́щу на горя́чей золе́ и у́глях, как э́то де́лают и сего́дня австрали́йцы, то со вре́менем они́ изобрели́ гонча́рство — научи́лись де́лать посу́ду из обожжённой на огне́ гли́ны. И всё э́то произошло́ на протяже́нии то́лько ка́менного ве́ка.

Вот почему́ исто́рию ка́менного ве́ка — э́того огро́много пери́ода в исто́рии челове́чества — при́нято дели́ть на две ча́сти: дре́вний ка́менный век (его́ называ́ют палеоли́т) и но́вый ка́менный век (неоли́т), — и ка́ждый из них то́же продолжа́лся тысячеле́тия. В дре́внем ка́менном ве́ке лю́ди ещё не уме́ли шлифова́ть ка́мень — в но́вом они́ уже́ научи́лись э́то де́лать. В дре́внем ка́менном ве́ке они́ ещё не уме́ли де́лать больши́е ло́дки, вы́долбленные из древе́сных ство́ло́в, — в но́вом у них уже́ появи́лись таки́е ло́дки. В дре́внем ка́менном ве́ке у люде́й ещё не́ было хоро́ших домо́в, а в но́вом уже́ бы́ли. В дре́внем ка́менном ве́ке лю́ди ещё не зна́ли ни земледе́лия, ни скотово́дства. Еди́нственным живо́тным, приручённым челове́ком уже́ в то вре́мя, была́ соба́ка — так и австрали́йских охо́тников сопровожда́ют повсю́ду и да́же помога́ют охо́титься ста́и соба́к ди́нго. А в но́вом ка́менном ве́ке появи́лось уже́ и земледе́лие, и скотово́дство. В дре́внем ка́менном ве́ке лю́ди ещё не научи́лись де́лать посу́ду из обожжённой гли́ны, а в но́вом уже́ уме́ли де́лать таку́ю посу́ду и уме́ли вари́ть в ней пи́щу.

И вот мы чита́ем в э́той кни́ге, как и́згнанный из своего́ пле́мени Крек и его́ спу́тники, кото́рые доброво́льно реши́ли его́ сопровожда́ть, встреча́ют озёрных жи́телей. Эти лю́ди живу́т совсе́м ино́й жи́знью — так не похо́жей на ту жизнь, каку́ю вели́ у себя́ на ро́дине Крек, его́ бра́тья и Старе́йший. Озёрные жи́тели уже́ уме́ли шлифова́ть ка́мень и просве́рливать в ка́менных ору́диях отве́рстия для рукоя́ток, — зна́чит, они́ жи́ли уже́ в неоли́те — но́вом ка́менном ве́ке. А Крек и его́ друзья́ у себя́ на ро́дине ещё не уме́ли всего́ э́того де́лать, — их соплеме́нники, сле́довательно, ещё вели́ о́браз жи́зни люде́й палеоли́та — дре́внего ка́менного ве́ка. Кста́ти, стре́лы никогда́ не шлифова́лись, как об э́том говори́тся в кни́ге, да́же в неоли́те: шлифова́лись гла́вным о́бразом ору́дия для обрабо́тки

де́рева — топоры́, тёсла. У озёрных жи́телей бы́ли больши́е, вы́долбленные из древе́сных стволо́в ло́дки; у них бы́ли обма́занные гли́ной хи́жины, стоя́щие пря́мо в о́зере на сва́ях, — э́то всё то́же при́знаки неоли́та и всего́ э́того то́же не зна́ла родна́я общи́на Кре́ка. Пра́вда, озёрные жи́тели не уме́ли обраба́тывать зе́млю и выра́щивать расте́ния, а из дома́шних живо́тных они́ приручи́ли то́лько соба́ку, но ведь и в неоли́те земледе́лие и скотово́дство появи́лись не сра́зу, а постепе́нно. Не научи́лись ещё озёрные жи́тели де́лать и гли́няную посу́ду, но и э́то уме́ние в том же неоли́те пришло́ не сра́зу.

Образ жи́зни озёрных жи́телей, как её изобража́ет а́втор, — э́то о́браз жи́зни люде́й ра́ннего неоли́та, когда́ ещё не появи́лись мно́гие достиже́ния, сво́йственные о́бществу бо́лее по́зднего, развито́го неоли́та. Но э́то уже́ не палеоли́т. А о́браз жи́зни пеще́рных жи́телей, из среды́ кото́рых вы́шли Крек, Старе́йший и их соро́дичи, — э́то о́браз жи́зни люде́й дре́внего ка́менного ве́ка — палеоли́та. Могло́ ли так случи́ться, что́бы на одно́й и той же европе́йской террито́рии жи́ли в одно́ и то же вре́мя таки́е разли́чные по свое́й культу́ре, по своему́ о́бразу жи́зни племена́? Ведь ме́жду ни́ми лежа́т да́же не со́тни, а, мо́жет быть, ты́сячи лет культу́рного разви́тия. Ведь, уйдя́ от пеще́рных жи́телей — палеолити́ческих охо́тников на се́верного оле́ня — и примкну́в к озёрным жи́телям, Крек и его́ друзья́ шагну́ли совсе́м в другу́ю истори́ческую эпо́ху!

Культу́ра челове́чества и в то вре́мя не стоя́ла на ме́сте. Но развива́лась она́ тогда́ о́чень ме́дленно. Если сейча́с в ми́ре сосуществу́ют культу́ры ка́менного и а́томного ве́ка, то в Евро́пе той эпо́хи, о кото́рой идёт речь в кни́ге, ещё не могла́ произойти́ встре́ча таки́х разли́чных по у́ровню своего́ разви́тия культу́р.

Почему́ же всё-таки в на́ши дни сохрани́лись на Земле́ отде́льные племена́, живу́щие в ка́менном ве́ке? Объясня́ется э́то ра́зными причи́нами, и са́мая гла́вная из них — удалённость э́тих племён от це́нтров миро́вой цивилиза́ции. Ведь живу́т они́ в тропи́ческих леса́х, в гора́х, в окруже́нии море́й и́ли пусты́нь, отре́занные от всего́ остально́го ми́ра.

Борьба́ за существова́ние в э́тих усло́виях была́ о́чень трудна́ для люде́й, и э́то ещё бо́лее задержа́ло их культу́рное разви́тие.

Но благодаря́ э́тому а́втор кни́ги суме́л познако́мить нас, её чита́телей, с двумя́ больши́ми эпо́хами в исто́рии челове́чества — с дре́вним и но́вым ка́менным ве́ком. И вме́сте с геро́ями кни́ги мы то́же встре́тимся с людьми́ тех времён, узна́ем их го́рести и ра́дости, уви́дим, как они́ жи́ли. Эта увлека́тельная кни́га познако́мит нас с жи́знью на́ших далёких пре́дков. И когда́ мы закро́ем после́днюю страни́цу, э́та жизнь и э́ти лю́ди, пре́жде таки́е далёкие и чужи́е, ста́нут нам тепе́рь бли́же и поня́тнее.

В. Кабо́

Глава I

НА БЕРЕГУ РЕКИ

В холо́дное, па́смурное и дождли́вое у́тро на берегу́ огро́мной реки́ сиде́л ма́ленький девятиле́тний ма́льчик.

Могу́чий пото́к неудержи́мо мча́лся вперёд; в свои́х жёлтых волна́х он уноси́л сби́вшиеся в ку́чу ве́тви и тра́вы, вы́рванные с ко́рнем дере́вья и грома́дные льди́ны с вмёрзшими в них тяжёлыми камня́ми.

Ма́льчик был оди́н. Он сиде́л на ко́рточках перед свя́зкой то́лько что наре́занного тростника́. Его́ ху́денькое те́ло привы́кло к хо́лоду; он не обраща́л никако́го внима́ния на ужаса́ющий шум и гро́хот льдин.

Отло́гие берега́ реки́ гу́сто поросли́ высо́ким тростнико́м, а немно́го да́льше вздыма́лись, сло́вно высо́кие бе́лые сте́ны, размы́тые реко́ю обры́вистые отко́сы мелов́ых холмо́в.

Цепь э́тих холмо́в теря́лась вдали́, в тума́нном и голубова́том су́мраке; дрему́чие леса́ покрыва́ли её.

Недалеко́ от ма́льчика, на ска́те холма́, чуть повы́ше того́ ме́ста, где река́ омыва́ла холм, зия́ла, то́чно грома́дная рази́нутая пасть, широ́кая чёрная дыра́, кото́рая вела́ в глубо́кую пеще́ру.

Здесь де́вять лет тому́ наза́д роди́лся ма́льчик. Здесь же и́здавна юти́лись и пре́дки его́ пре́дков.

То́лько че́рез э́ту тёмную дыру́ входи́ли и выходи́ли суро́вые обита́тели пеще́ры, че́рез неё они́ получа́ли во́здух и свет; из неё вырыва́лся нару́жу дым очага́, на кото́ром днём и но́чью стара́тельно подде́рживался ого́нь.

У поднóжия зия́ющего отвéрстия лежáли огрóмные кáмни, они́ служи́ли чéм-то врóде лéстницы.

На порóге пещéры показáлся высóкий, сухощáвый стари́к с загорéлой морщи́нистой кóжей. Егó дли́нные седы́е вóлосы бы́ли припóдняты и свя́заны пучкóм на тéмени. Егó мигáющие крáсные вéки бы́ли воспалены́ от éдкого ды́ма, вéчно наполня́ющего пещéру. Стари́к пóднял рýку и, прикры́в ладóнью глазá под густы́ми, нави́сшими бровя́ми, взглянýл по направлéнию к рекé. Потóм он кри́кнул:

— Крек! — Этот хри́плый отры́вистый крик походи́л на крик вспýгнутой хи́щной пти́цы.

«Крек» означáло «птицелóв». Мáльчик получи́л такóе прóзвище недáром: с сáмого дéтства он отличáлся необычáйной лóвкостью в ночнóй лóвле птиц; он захвáтывал их сóнными в гнёздах и с торжествóм приноси́л в пещéру. Случáлось, за таки́е успéхи егó награждáли за обéдом изря́дным кускóм сырóго кóстного мóзга — почётного блю́да, приберегáемого обы́чно для старéйшин и отцóв семéйства.

Крек горди́лся свои́м прóзвищем: онó напоминáло емý о ночны́х пóдвигах.

Мáльчик обернýлся на крик, мгновéнно вскочи́л с земли́ и, захвати́в свя́зку камышá, подбежáл к старикý.

У кáменной лéстницы он положи́л свою́ нóшу, пóднял в знак почтéния рýки ко лбу и произнёс:

— Я здесь, Старéйший! Чегó ты от меня́ желáешь?

— Дитя́, — отвéтил стари́к, — все нáши ушли́ ещё до зари́ в лесá на охóту за олéнями и широкорóгими быкáми. Они́ вернýтся тóлько к вéчеру, потомý что — запóмни э́то — дождь смывáет следы́ живóтных, уничтожáет их зáпах и унóсит клóчья шéрсти, котóрые они́ оставля́ют на ветвя́х и коря́вых стволáх дерéвьев. Охóтникам придётся мнóго потруди́ться, прéжде чем они́ встрéтят добы́чу. Знáчит, до сáмого вéчера мы мóжем занимáться свои́ми делáми. Остáвь твой тростни́к. У нас довóльно дрéвков для стрел, но мáло кáменных наконéчников, хорóших резцóв и ножéй: все они́ обточи́лись, зазýбрились и обломáлись.

— Что же ты повели́шь мне де́лать, Старе́йший?

— Вме́сте с бра́тьями и со мной ты пойдёшь вдоль Бе́лых холмо́в. Мы запасёмся больши́ми кремня́ми; они́ ча́сто попада́ются у подно́жия берегов́ых утёсов. Сего́дня я откро́ю тебе́ секре́т, как их обтёсывать. Уже́ пора́, Крек. Ты вы́рос, ты силён, краси́в и досто́ин носи́ть ору́жие, сде́ланное со́бственными рука́ми. Обожди́ меня́, я пойду́ за други́ми детьми́.

— Слу́шаю и повину́юсь, — отве́тил Крек, склоня́ясь перед старико́м и с трудо́м сде́рживая свою́ ра́дость.

Стари́к ушёл в пеще́ру, отку́да внеза́пно раздали́сь стра́нные горта́нные во́згласы, похо́жие скоре́е на кри́ки встрево́женных молоды́х живо́тных, чем на челове́ческие голоса́.

Стари́к назва́л Кре́ка краси́вым, больши́м и си́льным. Он, должно́ быть, хоте́л подбодри́ть ма́льчика: ведь на са́мом де́ле Крек был мал, да́же о́чень мал и о́чень худоща́в.

Широ́кое лицо́ Кре́ка бы́ло покры́то кра́сным зага́ром, надо лбом торча́ли жи́дкие ры́жие во́лосы, жи́рные, спу́танные, засы́панные пе́плом и вся́ким со́ром. Он был не сли́шком краси́в, э́тот жа́лкий первобы́тный ребёнок. Но в его́ глаза́х свети́лся живо́й ум; его́ движе́ния бы́ли ло́вки и бы́стры.

Он стреми́лся поскоре́е дви́нуться в путь и нетерпели́во ударя́л широ́кой ступнёй с кру́пными па́льцами о зе́млю, а всей пятернёй си́льно тяну́л себя́ за гу́бы.

Наконе́ц стари́к вы́шел из пеще́ры и стал спуска́ться по высо́ким ка́менным ступе́ням с прово́рством, удиви́тельным для его́ преклóнных лет. За ним шла це́лая орда́ мальчуга́нов-дикаре́й. Все они́, как и Крек, бы́ли чуть прикры́ты от хо́лода жа́лкими плаща́ми из звери́ных шкур.

Са́мый ста́рший из них — Гель. Ему́ уже́ ми́нуло пятна́дцать лет. В ожида́нии того́ вели́кого дня, когда́ охо́тники наконе́ц возьму́т его́ с собо́й на охо́ту, он успе́л просла́виться как несравне́нный рыболо́в.

Старе́йший научи́л его́ выре́зывать из ра́ковин остриём кремнёвого оско́лка смертоно́сные крючки́. При по́мощи само-

дельного гарпуна с зазубренным костяным наконечником Гель поражал даже громадных лососей.

За ним шёл Рюг-большеухий. Если бы в то время, когда жил Рюг, человек уже приручил собаку, о Рюге непременно сказали бы: «У него собачий слух и нюх».

Рюг по запаху узнавал, где в частом кустарнике созрели плоды, где показались из-под земли молодые грибы; с закрытыми глазами распознавал он деревья по шелесту их листьев.

Старейший подал знак, и все двинулись в путь. Гель и Рюг гордо выступали впереди, а за ними серьёзно и молча следовали все остальные.

Все маленькие спутники старика несли на спине корзины, грубо сплетённые из узких полосок древесной коры; одни держали в руках короткую палицу с тяжёлой головкой, другие — копьё с каменным наконечником, а третьи — что-то вроде каменного молота.

Они шли тихо, ступали легко и неслышно. Недаром старики постоянно твердили детям, что им надо привыкнуть двигаться бесшумно и осторожно, чтобы на охоте в лесу не спугнуть дичи, не попасть в когти диким зверям, не угодить в засаду к злым и коварным людям.

Матери подошли к выходу из пещеры и с улыбкой смотрели вслед уходящим.

Тут же стояли две девочки, стройные и высокие, — Маб и Он. Они с завистью смотрели вслед мальчикам.

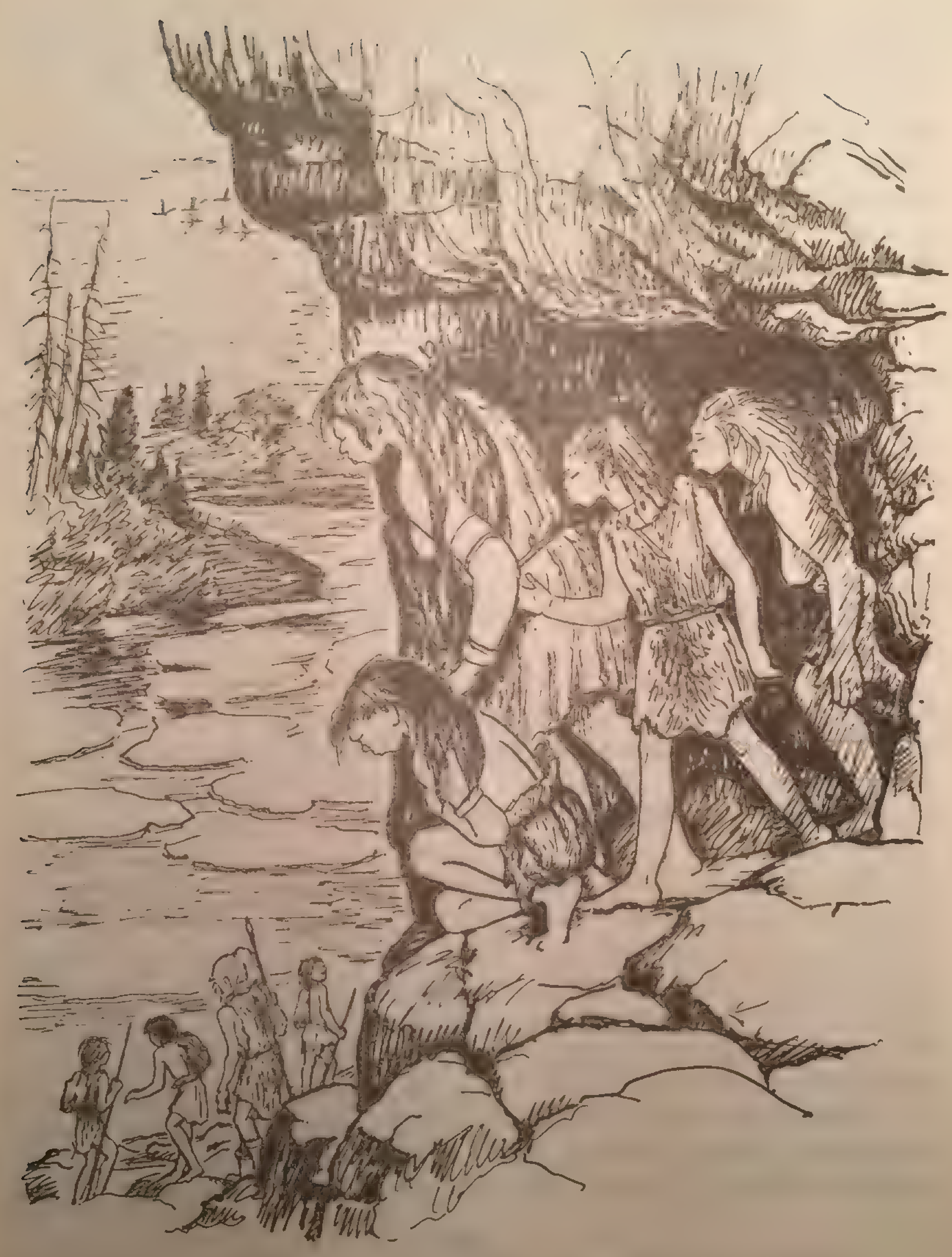
Только один, самый маленький, представитель первобытного человечества остался в дымной пещере; он стоял на коленях около очага, где посреди огромной кучи пепла и потухших углей слабо потрескивал огонёк.

Это был младший мальчик — Ожо.

Ему было грустно; время от времени он тихо вздыхал: ему ужасно хотелось пойти со Старейшим. Но он сдерживал слёзы и мужественно исполнял свой долг.

Сегодня его черёд поддерживать огонь от зари до ночи.

Ожо гордился этим. Он знал, что огонь — самая большая

Ма́тери с улы́бкой смотре́ли вслед уходя́щим, а две де́вочки — с за́вистью.

драгоце́нность в пеще́ре; е́сли ого́нь пога́снет, его́ ждёт стра́шное наказа́ние. Поэ́тому, едва́ мальчуга́н замеча́л, что пла́мя уменьша́ется и грози́т поту́хнуть, он начина́л бы́стро подбра́сывать в костёр ве́тки смоли́стого де́рева, что́бы вновь оживи́ть ого́нь.

И е́сли поро́й глаза́ Ожо завола́кивались слеза́ми, то еди́нственным вино́вником э́тих слёз был е́дкий дым костра́.

Ско́ро он и ду́мать переста́л о том, что де́лают тепе́рь его́ бра́тья. Други́е забо́ты удруча́ли ма́ленького Ожо: он был го́лоден, а ведь ему́ едва́ ми́нуло шесть лет...

Он ду́мал о том, что е́сли старе́йшины и отцы́ верну́тся сего́дня ве́чером и́з лесу с пусты́ми рука́ми, то он полу́чит на у́жин всего́-на́всего два-три жа́лких побе́га па́поротника, поджа́ренных на у́гольях.

Глава II

ОДИН ИЗ ДНЕЙ ПЕРВОБЫТНЫХ ВРЕМЁН

Ожо был го́лоден, а его́ бра́тья бы́ли ещё голodне́й: ведь они́ до́лго шли на холо́дном ветру́. Старе́йший всю доро́гу шёпотом и зна́ками объясня́л им, как узнава́ть ро́сшие по бе́регу водяны́е расте́ния. В зи́мнее вре́мя, когда́ нет мя́са, их мяси́стыми корня́ми мо́жно с грехо́м попола́м напо́лнить голо́дный желу́док.

Он говори́л, а его́ ма́леньких пу́тников томи́ло жела́ние сорва́ть и проглоти́ть ди́кие я́годы и плоды́, кото́рые каки́м-то чу́дом уцеле́ли от моро́зов. Но есть в одино́чку стро́го воспреща́лось. Всё, что находи́ли, приноси́ли в пеще́ру. Де́ти привы́кли, что то́лько в пеще́ре, по́сле осмо́тра ста́ршими, добы́ча дели́лась ме́жду всеми. Поэ́тому они́ переси́ливали искуше́ния го́лода и опуска́ли в мешки́ всё, что собира́ли по пути́.

Увы́! Пока́ что им удало́сь найти то́лько с деся́ток ма́леньких сухи́х я́блок, не́сколько то́щих, полузамёрзших ули́ток и се́рую зме́йку, не то́лще челове́ческого па́льца. Зме́йку нашёл

Крек. Она́ спала́ под ка́мнем, кото́рый он переверну́л. У Кре́ка была́ привы́чка: куда́ бы он ни шёл, перевора́чивать по доро́ге все ка́мни, каки́е бы́ли ему́ под си́лу.

Но е́сли на́шим пу́тникам попада́лось по доро́ге ма́ло съедо́бного, то больши́е куски́ кремня́ во мно́жестве валя́лись по скло́нам холмо́в. Мешки́ мальчуга́нов си́льно потяжеле́ли. Са́мые ма́ленькие шли, согну́вшись под свое́й но́шей. И всё-таки они́ изо всех сил стара́лись скрыть свою́ уста́лость. Де́ти зна́ли, что ста́ршие привы́кли мо́лча переноси́ть страда́ния и бу́дут смея́ться над их жа́лобами.

Дождь, ме́лкий град не прекраща́лись ни на мину́ту.

Крек бо́дро шага́л вслед за старико́м, мечта́я о том вре́мени, когда́ он ста́нет вели́ким и сла́вным охо́тником и бу́дет носи́ть настоя́щее ору́жие, а не ма́ленькую де́тскую па́лицу. Пот гра́дом кати́лся с него́, и не мудрено́: он тащи́л два огро́мных кремнёвых желвака́.

За ним, нахму́рившись, шли Гель и Рюг; их разбира́ла доса́да. Оба они́, то́чно на смех, ничего́ не нашли́ за всю доро́гу. Хоть бы рыбёшку каку́ю-нибудь пойма́ли. Отыска́ли всего́-на́всего како́го-то заморённого паука́, тако́го же голо́дного, как и они́.

Остальны́е брели́ как попа́ло, съёжившись и пону́рив го́ловы. Дождь давно́ уже́ струи́лся по их растрёпанным волоса́м и впа́лым щека́м.

Так шли они́ до́лго. Наконе́ц Старе́йший дал знак останови́ться. Все то́тчас же повинова́лись ему́.

— Вот там, на берегу́, под наве́сом утёса, есть хоро́шее сухо́е месте́чко для о́тдыха, — сказа́л он. — Сади́тесь... Откро́йте ва́ши мешки́.

Кто лёг, кто присе́л на ко́рточки на песо́к. Лу́чшее ме́сто под наве́сом ма́льчики предоста́вили Старе́йшему.

Крек показа́л старику́ всё, что нашло́сь в мешка́х, и почти́тельно поднёс ему́ ма́ленькую зме́йку. Тако́й ла́комый кусо́к, по его́ мне́нию, до́лжен был доста́ться Старе́йшему.

Но стари́к тихо́нько оттолкну́л протя́нутую ру́ку ма́льчика и сказа́л:

— Это вам! Если нет жа́реного мя́са, я бу́ду жева́ть ко́рни. Я привы́к к э́тому; так де́лали мои́ отцы́. Посмотри́те на мои́ зу́бы, — вы уви́дите, что мне ча́сто приходи́лось есть сыро́е мя́со и ра́зные плоды́ и ко́рни. Во времена́ моеё мо́лодости прекра́сный друг-ого́нь, кото́рый все мы должны́ почита́ть, нере́дко надо́лго покида́л на́ши стоя́нки. Иногда́ це́лыми месяца́ми, а то и года́ми мы, не име́я огня́, натружда́ли свои́ кре́пкие че́люсти, пережёвывая сыру́ю пи́щу. Принима́йтесь за еду́, де́ти. Пора́!

И де́ти с жа́дностью набро́сились на жа́лкое угоще́ние, кото́рое им ро́здал стари́к.

По́сле э́того ску́дного за́втрака, кото́рый то́лько чуть-чу́ть утоли́л го́лод путеше́ственников, стари́к приказа́л де́тям отдохну́ть.

Они́ те́сно прижа́лись друг к дру́гу, что́бы полу́чше согре́ться, и сра́зу засну́ли тяжёлым сном.

То́лько оди́н Крек ни на мину́ту не мог сомкну́ть глаз. Ско́ро с ним бу́дут обраща́ться, как с настоя́щим взро́слым ю́ношей, — э́та мысль не дава́ла ему́ засну́ть. Он лежа́л не шевеля́сь и укра́дкой с глубо́кой любо́вью и да́же с не́которым стра́хом наблюда́л за старико́м. Ведь Старе́йший сто́лько перевида́л на своём веку́, знал сто́лько таи́нственных и чуде́сных веще́й.

Стари́к, ме́дленно пережёвывая ко́рень, внима́тельно зо́рким и о́пытным гла́зом осма́тривал оди́н за други́м куски́ кремня́, лежа́вшие о́коло него́.

Наконе́ц он вы́брал креме́нь, окру́глый и дли́нный, похо́жий на огуре́ц, и, приде́рживая его́ нога́ми, поста́вил стоймя́.

Крек стара́лся запо́мнить ка́ждое движе́ние старика́.

Когда́ креме́нь был кре́пко зажа́т в э́тих приро́дных тиска́х, стари́к взял обе́ими рука́ми друго́й ка́мень, бо́лее тяжёлый, и не́сколько раз осторо́жно уда́рил им по закруглённой верху́шке кремня́. Лёгкие, едва́ заме́тные тре́щины пошли́ вдоль всего́ кремня́.

Пото́м Старе́йший аккура́тно приложи́л э́тот гру́бый мо́лот к обби́той верху́шке и навали́лся на него́ всем свои́м те-

лом с тако́й си́лой, что жи́лы взду́лись на его́ лбу; при э́том он слегка́ повора́чивал ве́рхний ка́мень; от боко́в кремня́ отлета́ли дли́нные оско́лки ра́зной ширины́, похо́жие на продолгова́тые полуме́сяцы, с одного́ кра́я то́лстые и шерохова́тые, с друго́го — то́нкие и о́стрые. Они́ па́дали и рассыпа́лись по песку́, сло́вно лепестки́ большо́го увя́дшего цветка́.

Эти прозра́чные оско́лки, цве́та ди́кого мёда, ре́зали не ху́же на́ших стальны́х ноже́й. Но они́ бы́ли непро́чны и ско́ро лома́лись.

Стари́к передохну́л немно́го, пото́м вы́брал оди́н из са́мых кру́пных оско́лков и принялся́ оббива́ть его́ лёгкими ча́стыми уда́рами, стара́ясь прида́ть ему́ фо́рму наконе́чника для копья́.

Крек нево́льно вскри́кнул от удивле́ния и восто́рга: он со́бственными глаза́ми ви́дел, как изготовля́ют ножи́ и наконе́чники для ко́пий и стрел.

Старе́йший не обрати́л никако́го внима́ния на во́зглас Кре́ка. Он принялся́ собира́ть о́стрые ле́звия.

Но вдруг он насторожи́лся и бы́стро поверну́л го́лову к реке́. На его́ обы́чно споко́йном и го́рдом лице́ отрази́лись сперва́ удивле́ние, а пото́м невырази́мый у́жас.

С се́вера доноси́лся како́й-то стра́нный, нея́сный шум, пока́ ещё далёкий, поро́й слы́шалось ужаса́ющее рыча́ние. Крек был храбр, и всё же ему́ ста́ло стра́шно. Он попыта́лся оста́ться споко́йным и, подража́я старику́, насторожи́лся, схвати́вшись руко́й за па́лицу.

Шум разбуди́л дете́й. Дрожа́ от стра́ха, они́ повскака́ли со свои́х мест и ки́нулись к старику́. Старе́йший веле́л им неме́для забра́ться на верши́ну почти́ отве́сной скалы́. Де́ти то́тчас приняли́сь кара́бкаться кве́рху, ло́вко цепля́ясь рука́ми за ка́ждый выступа́ющий ка́мень, по́льзуясь ка́ждой вы́боиной в скале́, что́бы поста́вить но́гу. На небольшо́м усту́пе, неподалёку от верши́ны, они́ улегли́сь на животе́, обли́зывая ободо́дранные в кровь па́льцы.

Стари́к не мог после́довать за ни́ми. Он оста́лся под вы́ступом скалы́, и Крек упря́мо отказа́лся поки́нуть его́.

— Старе́йший! — воскли́кнул он. — Неве́домая опа́сность

грози́т нам, как ты говори́шь. Ты лю́бишь меня́, и я не поки́ну тебя́. Мы вме́сте умрём и́ли вме́сте победи́м. Ты непоколеби́м и силён, ты бу́дешь сража́ться, а я... е́сли отту́да иду́т к нам злы́е лю́ди и́ли ди́кие зве́ри, — я прокушу́ им пе́чень.

Пока́ Крек, разма́хивая рука́ми, произноси́л э́ту воинственную речь, гро́зный шум уси́лился. С ка́ждой мину́той он приближа́лся к ме́сту, где укры́лись стари́к и ребёнок.

— У тебя́, Крек, глаза́ зо́ркие и молоды́е. Посмотри́ на́ реку. Что ты ви́дишь?

— Не́бо потемне́ло от больши́х птиц. Они́ кру́жатся над водо́й. Наве́рно, их зло́бные кри́ки и пуга́ют нас.

— А на воде́ ты ничего́ не ви́дишь? Посмотри́ ещё раз. Пти́цы кру́жатся над реко́й? Зна́чит, они́ сле́дуют за како́й-то плыву́щей по реке́ добы́чей, выжида́я, когда́ мо́жно бу́дет наки́нуться на неё. Но кто же э́то так стра́шно рычи́т и ревёт? Я подниму́ тебя́, взгляни́ ещё раз.

Но и на рука́х у Старе́йшего Крек напра́сно всма́тривался в даль.

— Что ви́дно све́рху? — кри́кнул стари́к де́тям, лежа́вшим в безопа́сности на скале́, над его́ голово́й. — Говори́ ты, Рюг.

— Что́-то огро́мное, чёрное видне́ется на бе́лой глы́бе далеко́, посереди́не реки́, — отве́тил ма́льчик. — Но что э́то — разобра́ть нельзя́. Чёрное, шеве́лится.

— Хорошо́, Рюг. Не чёрный ли э́то широкоро́гий бык?

— Нет, э́то чудо́вище бо́льше широкоро́гого быка́! — воскли́кнул Рюг.

— Слу́шай, Старе́йший! — вскрича́л Гель. — Тепе́рь не одно́, а два чёрных пятна́ видны́ на бе́лой глы́бе, и о́ба они́ шеве́лятся; а во́зле них глы́ба совсе́м кра́сная.

— Я их ви́жу! Я их ви́жу! — подхвати́л Крек, побледне́в и задрожа́в всем те́лом. — Там два зве́ря, и о́ба огро́мные! Они́ на льди́не, а льди́на бо́льше на́шей пеще́ры. Они́ не дви́гаются. Сейча́с они́ проплыву́т ми́мо нас. Вот смотри́! Мы поги́бли!

Старе́йший поста́вил Кре́ка на зе́млю и оберну́лся к реке́.

То, что уви́дел ста́рый охо́тник, заста́вило его́ побледне́ть от у́жаса. Крек и остальны́е де́ти пла́кали и дрожа́ли от стра́ха.

По пе́нистым, му́тным волна́м, шум кото́рых слива́лся с оглуши́тельным кри́ком бесчи́сленного мно́жества хи́щных птиц, плыла́, кружа́сь и пока́чиваясь, гига́нтская льди́на.

На льди́не видне́лся чудо́вищной величины́ слон-ма́монт с косма́той гри́вой. За́дние но́ги живо́тного глубоко́ провали́лись, сло́вно в западню́, в тре́щину льда. Зверь стоя́л, с трудо́м опира́ясь пере́дними нога́ми на края́ тре́щины; изо́гнутые клыки́ бы́ли по́дняты кве́рху, а из хо́бота, торча́вшего, сло́вно ма́чта, бил к не́бу непреры́вный крова́вый фонта́н. Всё те́ло зве́ря бы́ло за́лито кро́вью, струи́вшейся из пронзённого брю́ха. Он рыча́л и реве́л в предсме́ртных су́дорогах.

Ря́дом с ним лежа́л огро́мный косма́тый носоро́г, порази́вший свои́м ро́гом ма́монта, — лежа́л неподви́жно и безмо́лвно, заду́шенный свои́м могу́чим врагóм.

В ту мину́ту, когда́ чудо́вища проплыва́ли на окрова́вленной льди́не ми́мо Старе́йшего, гига́нтский слон стра́шно заревéл и свали́лся на труп побеждённого врага́.

Земля́ задрожа́ла от э́того предсме́ртного кри́ка. Эхо до́лго-до́лго повторя́ло его́, а хи́щные пти́цы на мгнове́ние сло́вно за́мерли в во́здухе.

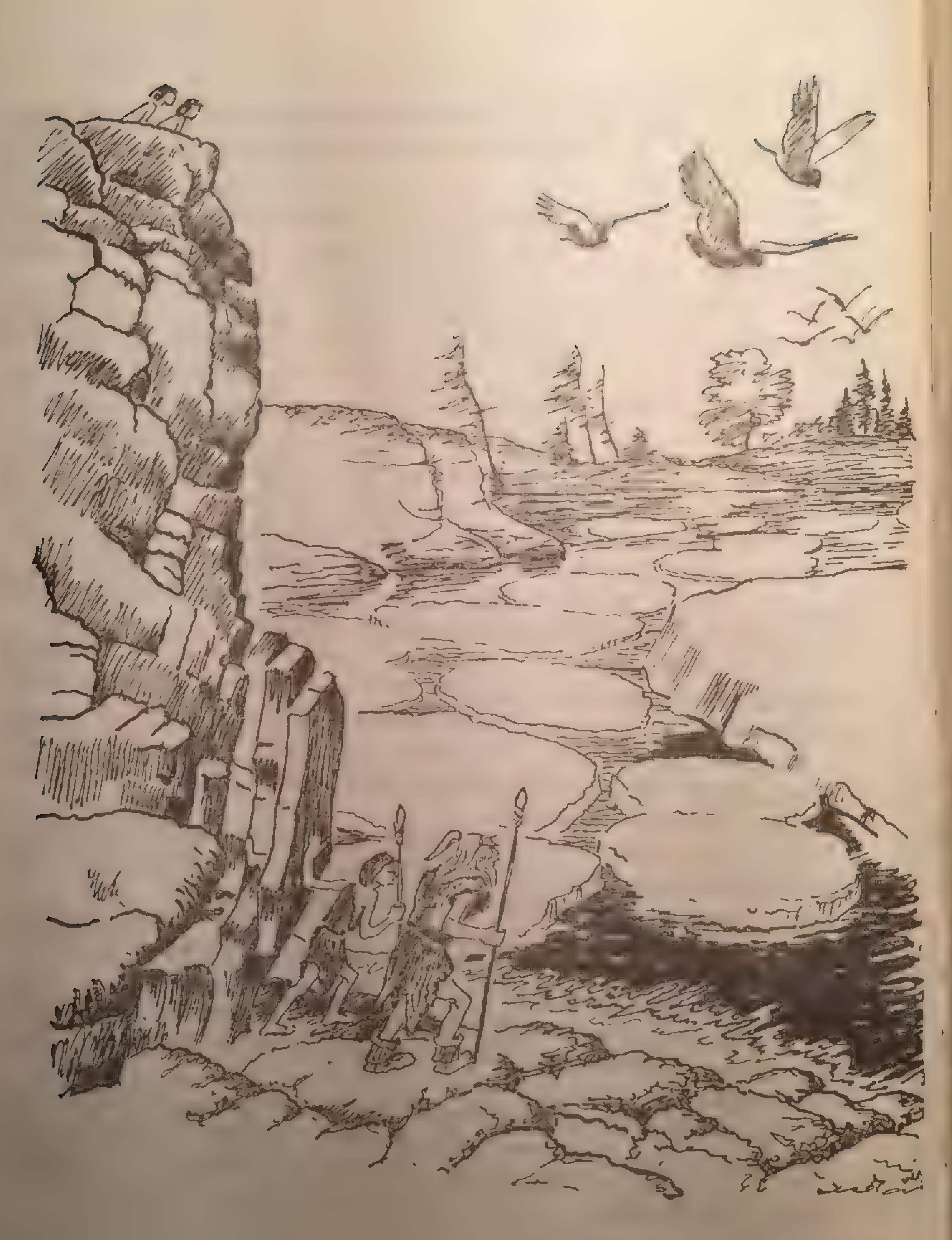
Но зате́м они́ с но́вой я́ростью бро́сились на при́ступ ледяно́го плота́, где поко́ились тепе́рь два гига́нтских тру́па. Ко́ршуны и орлы́ наки́нулись наконе́ц на добы́чу.

Глы́ба льда исчéзла и́з виду, унося́ тру́пы стра́шных звере́й. Стари́к обтёр руко́й пот с обве́тренного лица́ и позва́л свои́х ма́леньких спу́тников.

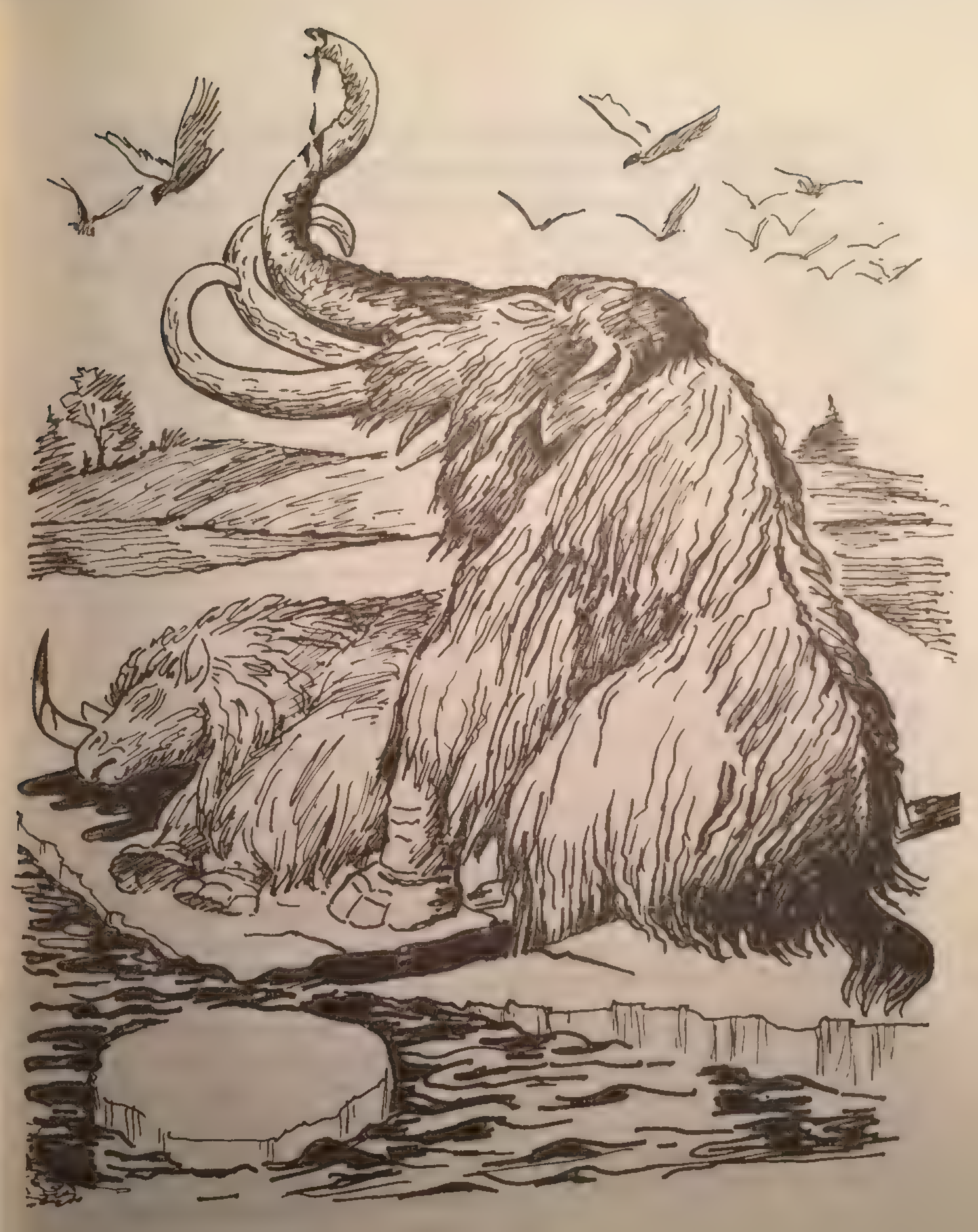
Стуча́ зуба́ми, е́ле ступа́я дрожа́щими нога́ми, бедня́жки спусти́лись к старику́, ру́ку кото́рого всё ещё су́дорожно сжима́л Крек.

Ра́зве мо́жно бы́ло тепе́рь принима́ться за рабо́ту? Уро́к изготовле́ния кремнёвых ору́дий был отло́жен, и все в угрю́мом молча́нии, опа́сливо погля́дывая по сторона́м, дви́нулись обра́тно к пеще́ре.

То, что уви́дел ста́рый охо́тник, заста́вило его́ побледне́ть от у́жаса.

То, что уви́дел ста́рый охо́тник,

заставило его побледнеть от ужаса.

Де́ти помину́тно обора́чивались и смотре́ли наза́д. Они́ всё ещё слы́шали шум лете́вших птиц, им чу́дилось, что их настига́ет оди́н из тех прожо́рливых звере́й, кото́рые, наве́рное, сле́довали за жу́ткой льди́ной.

Но ма́ло-помáлу они́ успоко́ились, и Крек, улыба́ясь, сказа́л на́ ухо Рю́гу:

— Ожо зави́довал нам, когда́ мы уходи́ли. А тепе́рь, пожа́луй, бу́дет рад, что ему́ пришло́сь оста́ться храни́телем огня́: ему́ не́ было так стра́шно, как нам.

Но Рюг покача́л голово́й и возрази́л:

— Ожо сме́лый; он, наве́рное, пожале́ет, что не ви́дел э́тих чудо́вищ.

Глава III

ВЕЧНЫЙ ВРАГ

Де́ти без поме́хи верну́лись домо́й до наступле́ния но́чи.

По́сле стра́шного приключе́ния, расска́з о кото́ром заста́вил дрожа́ть матере́й и пла́кать ма́леньких сестёр, родна́я пеще́ра, жа́лкая и ды́мная, показа́лась де́тям ую́тным жильём.

Здесь им не́чего бы́ло боя́ться. Круго́м поднима́лись кре́пкие ка́менные сте́ны, а я́ркий ого́нь не́жно ласка́л и согрева́л их.

Ого́нь — лу́чший друг челове́ка: он побежда́ет хо́лод, он отпу́гивает ди́ких звере́й. Но есть оди́н враг, про́тив кото́рого бесси́лен да́же ого́нь.

Этот ве́чный враг всегда́ подстерега́ет челове́ка и несёт ему́ ги́бель, сто́ит то́лько переста́ть с ним боро́ться, — э́тот ве́чный враг всегда́ и во все времена́ был враго́м жи́зни вообще́.

Имя э́тому неумоли́мому врагу́, э́тому жа́дному тира́ну, кото́рый да́же и в на́ши дни продолжа́ет свои́ опустоши́тельные набе́ги на зе́мли и истребля́ет ты́сячи люде́й, и́мя ему́ — го́лод.

Прошло́ четы́ре до́лгих дня с тех пор, как де́ти верну́лись в пеще́ру, а охо́тники — де́ды и отцы́ — всё ещё отсу́тствовали.

Не заблуди́лись ли они́ в лесу́, несмотря́ на свою́ о́пытность? Или их охо́та оказа́лась безуспе́шной? Или они́ напра́сно ры́скают до сих пор по́ лесу? Никто́ не знал э́того.

Впро́чем, и Старе́йший, и ма́тери, и де́ти привы́кли к таки́м до́лгим отлу́чкам отцо́в. Они́ зна́ли: охо́тники ло́вки, сильны́, нахо́дчивы — и совсе́м не беспоко́ились о них. Оста́вшихся до́ма одолева́ли ины́е забо́ты: все запа́сы пи́щи в пеще́ре иссякли.

Небольшо́й кусо́к проту́хшей оле́нины — оста́ток от про́шлой охо́ты — съе́ли ещё в пе́рвые дни.

В пеще́ре не острава́лось ни кусо́чка мя́са; приходи́лось принима́ться за све́жие шку́ры, отло́женные для оде́жды.

Ма́ленькими пло́скими кремня́ми с иску́сно зазу́бренными о́стрыми края́ми же́нщины соскобли́ли шерсть и отдели́ли жи́лки с тяжёлых шкур. Зате́м они́ разре́зали ко́жи на небольши́е куски́. Эти ещё покры́тые пя́тнами кро́ви куски́ вы́мочили в воде́ и вари́ли до тех пор, пока́ они́ не преврати́лись в густу́ю, кле́йкую ма́ссу.

Ну́жно заме́тить, что э́тот отврати́тельный суп вари́лся без горшка́. Изготовля́ть гли́няную посу́ду лю́ди научи́лись гора́здо по́зже, чем ору́жия из гру́бо обтёсанного и обби́того ка́мня.

В пеще́ре Кре́ка во́ду кипяти́ли в иску́сно сплетённых мешка́х-корзи́нах из древе́сной коры́; тако́й мешо́к, разуме́ется, нельзя́ бы́ло ста́вить на горя́щие у́голья; что́бы нагре́ть во́ду, в мешо́к броса́ли оди́н за други́м докрасна́ раскалённые на огне́ ка́мни. В конце́ концо́в вода́ закипа́ла, но како́й му́тной и гря́зной станови́лась она́ от золы́!

Не́сколько корне́й, с трудо́м вы́рванных из замёрзшей земли́, бы́ли съе́дены.

Гель принёс каку́ю-то отврати́тельную ры́бу. Это бы́ло всё, что ему́ удало́сь пойма́ть по́сле до́лгих и тяжёлых уси́лий. Но и э́ту жа́лкую добы́чу встре́тили с ра́достью. Её то́тчас же раздели́ли и тут же съе́ли: ры́бу да́же не потруди́лись поджа́рить на у́гольях. Но ры́ба была́ небольша́я, а голо́дных ртов мно́го. Ка́ждому доста́лось по кро́шечному кусо́чку.

Старе́йшие, жела́я хоть че́м-нибудь заня́ть изму́ченных го́лодом обита́телей пеще́ры, реши́ли разда́ть всем каку́ю-нибудь рабо́ту. Об э́тих рабо́тах мы поговори́м по́зже, а пока́ осмо́трим пеще́ру.

На́ше сча́стье, что мы мо́жем прони́кнуть туда́ то́лько мы́сленно. Ина́че мы, наве́рное, задохну́лись бы от ужаса́ющего злово́ния и спёртого во́здуха, цари́вших в э́том мра́чном убе́жище первобы́тных люде́й.

Не́когда по́чвенные во́ды вы́рыли в то́лще мя́гкой го́рной поро́ды обши́рный глубо́кий по́греб. Гла́вная пеще́ра сообща́лась у́зкими прохо́дами с други́ми бо́лее ме́лкими пеще́рами. Со сво́дов, потемне́вших от ды́ма, све́шивались сталакти́ты[1] и па́дали тяжёлые ка́пли воды́.

Вода́ проса́чивалась повсю́ду, стека́ла по стена́м, нака́пливалась в вы́боинах по́ла. Пра́вда, пеще́ра спаса́ла первобы́тного челове́ка от свире́пого хо́лода, но э́то бы́ло нездоро́вое, сыро́е жили́ще. Обита́тели её ча́сто простужа́лись, боле́ли. В на́ше вре́мя учёные нере́дко нахо́дят в таки́х пеще́рах взду́тые, изуро́дованные ко́сти.

Но вернёмся в жили́ще Кре́ка. Вдоль стен гла́вной пеще́ры, на гря́зной, покры́той нечисто́тами земле́, лежа́ли ку́чи ли́стьев и мха, прикры́тые кое-где́ обры́вками звери́ных шкур, — посте́ли семьи́.

Посреди́ пеще́ры возвыша́лась глубо́кая и больша́я ку́ча пе́пла и са́льных поту́хших у́глей, с кра́ю она́ была́ чуть тёплая, но посреди́не горе́л небольшо́й костёр; Крек, дежу́рный храни́тель огня́, беспреста́нно подбра́сывал хво́рост, вытя́гивая его́ из лежа́вшей ря́дом свя́зки.

Среди́ пе́пла и у́глей видне́лись ра́зные объе́дки и отбро́сы: обгло́данные ко́сти, раско́лотые в длину́, с вы́нутым мо́згом, обгоре́лые сосно́вые ши́шки, обу́глившиеся ра́ковины, пережёванная кора́, ры́бьи ко́сти, кру́глые ка́мни и мно́жество кремне́й ра́зной фо́рмы.

---

[1] Сталакти́ты — наро́сты на потолке́ пеще́ры, свиса́ющие в ви́де сосу́лек; сталакти́ты образу́ются от соедине́ния ка́пель воды́ с и́звестью.

Эти обло́мки кремне́й — оста́тки обе́денных «ноже́й», резцо́в и други́х ору́жий. Кремнёвые ору́дия о́чень хру́пки, и они́ ча́сто тупи́лись и лома́лись. Тогда́ их про́сто броса́ли в му́сорную ку́чу.

Первобы́тные лю́ди, коне́чно, и предста́вить себе́ не могли́, что когда́-нибудь их отдалённые пото́мки бу́дут ры́ться в ку́хонных отбро́сах, иска́ть затупи́вшиеся, сло́манные ножи́, подбира́ть угольки́ их очага́, что́бы пото́м вы́ставить их в просто́рных за́лах великоле́пных музе́ев.

В э́той первобы́тной кварти́ре не́ было никако́й ме́бели. Не́сколько широ́ких ра́ковин, не́сколько плетёных мешко́в из коры́ и́ли тростника́, не́что вро́де больши́х чаш, сде́ланных из черепо́в кру́пных живо́тных, составля́ли всю дома́шнюю у́тварь.

Зато́ ору́жия бы́ло мно́го — и ору́жия стра́шного, хотя́ и о́чень гру́бо сде́ланного. В пеще́ре храни́лся большо́й запа́с ко́пий, дро́тиков и стрел. Здесь бы́ли о́стрые ка́менные нако-не́чники, прикреплённые к дре́вку с по́мощью расти́тельного кле́я, древе́сной и го́рной смолы́ и́ли жил живо́тных. Здесь бы́ли костяны́е кинжа́лы — заострённые отро́стки рого́в оле́ней и быко́в; здесь бы́ли па́лицы — зу́бчатые па́лки с наса́женными на них клыка́ми живо́тных, ка́менные топоры́ с деревя́нными рукоя́тками, кремнёвые резцы́ всех разме́ров и, наконе́ц, кру́глые ка́мни для пращи́.

Но мы напра́сно ста́ли бы иска́ть в пеще́ре како́го-нибудь дома́шнего живо́тного. Ни соба́ки, ни ко́шки, ни ку́рицы не́ было ви́дно у очага́, во́зле му́сорных куч. В те далёкие времена́ челове́к ещё не уме́л прируча́ть живо́тных.

Крек никогда́ не ви́дел и не про́бовал ни коро́вьего, ни ко́зьего молока́.

И никто́ в те суро́вые времена́, о кото́рых идёт речь в на́шем расска́зе, не вида́л и не знал, что тако́е ко́лос ржи и́ли ячменя́. Никто́, да́же сам Старе́йший.

Быть мо́жет, он и находи́л иногда́ во вре́мя свои́х стра́нствий по равни́нам высо́кие, незнако́мые ему́ расте́ния, све́жие коло́сья кото́рых он растира́л в рука́х, про́бовал есть и на-

ходи́л вку́сными. Наве́рное, он ука́зывал на э́ти коло́сья свои́м спу́тникам, и те то́же с удово́льствием гры́зли вку́сные зёрна.

Одна́ко пона́добились века́ и века́, пре́жде чем пото́мки э́тих люде́й научи́лись наконе́ц собира́ть семена́ расте́ний, се́ять их во́зле свои́х жили́щ и получа́ть мно́го вку́сного и пита́тельного зерна́. Но Крек никогда́ в жи́зни не ви́дел ни хле́ба, ни зерново́й ка́ши.

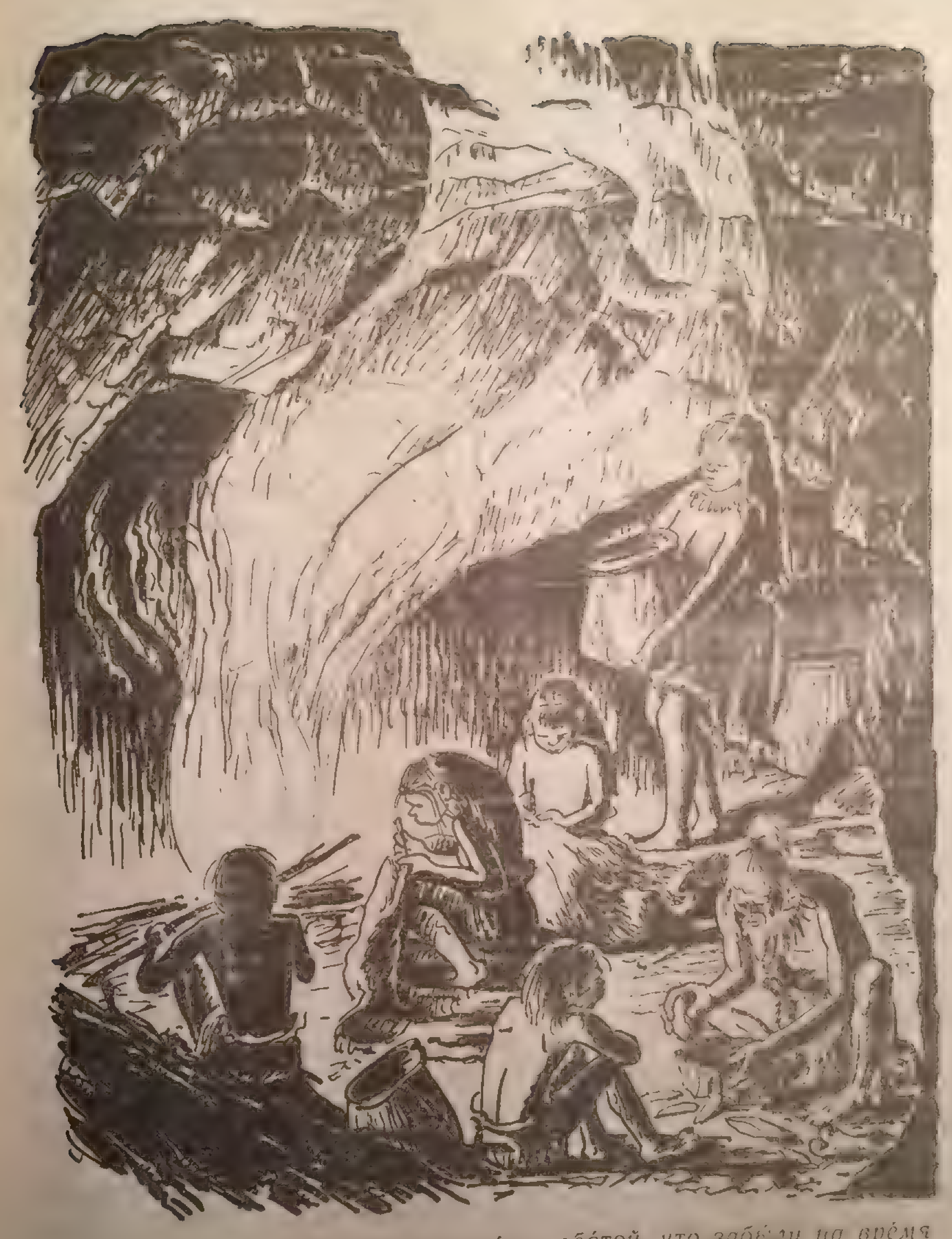
Обита́тели пеще́ры не могли́ похва́стать больши́ми запа́сами пи́щи. Охо́та и ры́бная ло́вля, осо́бенно в холо́дное вре́мя го́да, доставля́ли так ма́ло добы́чи, что её хвата́ло лишь на дневно́е пропита́ние. Пря́тать, запаса́ть бы́ло не́чего. Кро́ме того́, пеще́рный челове́к был сли́шком беспе́чен, что́бы ду́мать о за́втрашнем дне. Когда́ ему́ удава́лось раздобы́ть сра́зу мно́го мя́са и́ли ры́бы, он по не́скольку дней не выходи́л из пеще́ры и пирова́л до тех пор, пока́ у него́ оставался хоть оди́н кусо́к дичи́ны.

Так случи́лось и тепе́рь. Ста́ршие ушли́ в лес на охо́ту то́лько тогда́, когда́ в пеще́ре уже́ не остава́лось почти́ ничего́ съестно́го. Не мудрено́, что на четвёртый день их отсу́тствия обита́тели пеще́ры на́чали глода́ть уже́ обгло́данные ра́ньше и бро́шенные в золу́ ко́сти.

Старе́йший приказа́л Рю́гу собра́ть все э́ти ко́сти и перетоло́чь их на ка́мне. Пото́м Рюг вооружи́лся ка́менным скребко́м и принялся́ соскрёбывать го́рькую обу́глившуюся кору́ с побе́гов па́поротника, со́бранных когда́-то ма́леньким Ожо.

Де́вочки, Маб и Ои, сто́йко, без жа́лоб и стена́ний, переноси́вшие го́лод, получи́ли приказа́ние заши́ть рва́ные меха́ — запасну́ю оде́жду семьи́.

Одна́ прока́лывала костяны́м ши́лом ды́рочки в разо́рванных края́х жи́рных шкур, друга́я продева́ла в э́ти ды́рочки при по́мощи дово́льно то́нкой костяно́й иглы́, о́чень похо́жей на на́шу што́пальную, жи́лы и сухожи́лия живо́тных. Они́ так увлекли́сь э́той тру́дной рабо́той, что забы́ли на вре́мя терза́вший их мучи́тельный го́лод.

Де́вочки, Маб и Он, так увлекли́сь рабо́той, что забыли на вре́мя терза́вший их мучи́тельный го́лод.

Остальны́е де́ти, по прика́зу Старе́йшего и под его́ наблюде́нием, чини́ли ору́жие; да́же из са́мых ме́лких кремне́й стари́к учи́л изготовля́ть наконе́чники для стрел.

Ожо, несмотря́ на суро́вую пого́ду, посла́ли за желудя́ми. Это бы́ло не сли́шком прия́тное заня́тие. Когда́ снег покрыва́л зе́млю, на по́иски желуде́й выходи́ли опа́сные сопе́рники челове́ка — голо́дные кабаны́.

Но Ожо не боя́лся встре́титься с ни́ми. Он не ху́же Кре́ка ла́зил по дере́вьям и в слу́чае опа́сности суме́л бы вмиг вскара́бкаться на ве́тки.

Впро́чем, вре́мя от вре́мени Рюг-большеу́хий выходи́л взгляну́ть, где Ожо и что с ним.

Рюг взбира́лся по тропи́нке, кото́рая поднима́лась зигза́гами от пеще́ры к верши́не холма́, и и́здали ободря́л ма́ленького Ожо. В то же вре́мя он чу́тко прислу́шивался.

Но вся́кий раз ве́тер доноси́л до него́ то́лько шум ле́са. Как ни насторáживал Рюг свои́ больши́е у́ши, он не слы́шал шаго́в охо́тников.

День бли́зился к концу́, и никто́ уже́ не наде́ялся уви́деть сего́дня охо́тников. Постепе́нно все́ми овладе́ло тупо́е, мра́чное отча́яние.

Что́бы ка́к-нибудь подбодри́ть изголода́вшихся обита́телей пеще́ры, Старе́йший приказа́л всем идти́ в лес на верши́ну холма́ и, пока́ ещё не наступи́ла ночь, поиска́ть како́й-нибудь пи́щи.

Быть мо́жет, вме́сте со ста́ршими де́ти скоре́е найду́т в э́том уже́ не раз обы́сканном лесу́ что́-нибудь съедо́бное — натёки древе́сного кле́я, зи́мних личи́нок, плоды́ и́ли семена́ расте́ний.

Все безро́потно повинова́лись прика́зу Старе́йшего; каза́лось, у мно́гих пробуди́лась наде́жда.

Же́нщины взя́ли ору́жие, де́ти захвати́ли па́лки, и все ушли́.

Оди́н Крек оста́лся у костра́, го́рдый ока́занным ему́ дове́рием. Он до́лжен был до са́мого ве́чера подде́рживать ого́нь на очаге́ и поджида́ть возвраще́ния ма́ленького Ожо.

Глава IV

ДОЛГ И ГОЛОД

Крек дово́льно до́лго сиде́л на ко́рточках перед очаго́м, усе́рдно подде́рживая ого́нь и занима́ясь ло́влей отврати́тельных насеко́мых, бе́гавших по его́ те́лу. Внеза́пно у вхо́да в пеще́ру, усы́панного ме́лкими камня́ми и раку́шками, послы́шались лёгкие и бы́стрые шаги́.

Крек поверну́л го́лову и уви́дел запыха́вшегося Ожо. Глаза́ Ожо сия́ли от ра́дости: он тащи́л за хвост како́е-то живо́тное вро́де большо́й чернова́той кры́сы.

Это была́ пестру́шка, пре́док тех са́мых пестру́шек, кото́рые и тепе́рь ещё населя́ют равни́ны Сиби́ри.

— Посмотри́, э́то я её уби́л, — крича́л Ожо, — я оди́н! Крек, я бу́ду охо́тником!

Он бро́сил зверька́ к нога́м бра́та и, не замеча́я, что, кро́ме Кре́ка, в пеще́ре никого́ не́ было, гро́мко закрича́л:

— Скоре́й, скоре́й! Иди́те за мной! Сейча́с же! Их ещё мно́го там, наверху́. Мне одному́ их не догна́ть, но е́сли мы пойдём все вме́сте, мы их перело́вим и поеди́м вво́лю сего́дня ве́чером. Ну, жи́во!

— Не кричи́ так гро́мко. Ра́зве ты не ви́дишь — все ушли́ в лес, — останови́л его́ Крек. — Оста́лся то́лько оди́н я. Что, ты осле́п, что ли?

Ожо огляну́лся — брат говори́л пра́вду. Ожо растеря́лся. На пути́ домо́й он так я́сно представля́л себе́, как все обра́дуются его́ добы́че. «Да́же Старе́йший, — ду́мал он, — похва́лит меня́». И вдруг — в пеще́ре оди́н Крек, да и тот чуть ли не смеётся над ним.

Но на́до бы́ло спеши́ть, ина́че великоле́пная добы́ча могла́ ускользну́ть от них. И Ожо принялся́ торопи́ть бра́та.

Сто́ило то́лько подня́ться к опу́шке дубо́вого ле́са, что́бы уби́ть мно́го, о́чень мно́го пестру́шек. Крек встрепену́лся и вскочи́л на́ ноги.

— Живе́й! — кри́кнул он. — В доро́гу!

Принести́ в пеще́ру мно́го пи́щи для всех, да ещё в тако́й

голо́дный день! Крек схвати́л тяжёлую па́лку и бро́сился вслед за бра́том.

Но вдруг он вспо́мнил об огне́ и останови́лся в нереши́тельности.

— Иди́ же, — торопи́л Ожо с поро́га пеще́ры. — Иди́, а то по́здно бу́дет. Я ви́дел ма́ленькую ста́ю у Трёх Мёртвых Со́сен. Мы ещё захва́тим их там, е́сли потoро́пимся. Ведь я прибежа́л сюда́ бего́м.

— А ого́нь, Ожо? — воскли́кнул Крек. — Смотри́, он то́лько что ве́село потре́скивал, а тепе́рь уже́ потуха́ет. Ведь его́ всё вре́мя ну́жно корми́ть.

— Ну, так дай ему́ пое́сть, — отве́тил ма́льчик. — Дай ему́ побо́льше еды́. Мы не до́лго бу́дем охо́титься. Он не успе́ет всего́ пожра́ть, как мы уже́ вернёмся.

— Ты ду́маешь, Ожо?

— Ну коне́чно. Мы дойдём до прога́лины у Трёх Мёртвых Со́сен и бы́стро вернёмся наза́д. Вдвоём мы набьём мно́го зверько́в. И там, наверху́, мы напьёмся их тёплой кро́ви.

Бе́дный Крек колеба́лся. Напи́ться тёплой кро́ви бы́ло о́чень зама́нчиво — го́лод так жесто́ко терза́л его́. Крек стоя́л и разду́мывал. Пожа́луй, Ожо прав: е́сли подбро́сить побо́льше ветве́й, ого́нь, наве́рное, не пога́снет. Они́ ско́ро верну́тся и принесу́т мно́го еды́. А в пеще́ре все чуть ли не умира́ют от го́лода. Ма́тери и сёстры так изму́чены... Крек бо́льше не колеба́лся.

Он подбро́сил немно́го дров в ого́нь и в два-три прыжка́ нагна́л Ожо.

Ма́льчики ско́ро добрали́сь до верши́ны холма́. Отту́да они́ пусти́лись бежа́ть к прога́лине у Трёх Мёртвых Со́сен.

Это ме́сто легко́ бы́ло узна́ть по трём грома́дным со́снам. Они́ давны́м-давно́ засо́хли, но всё ещё стоя́ли, протя́гивая, сло́вно гига́нтские костля́вые ру́ки, свои́ го́лые ве́тви. Здесь, у со́сен, ма́льчики уви́дели, что па́поротники и высо́кая жёлтая трава́ у корне́й дере́вьев си́льно колы́шутся. Это каза́лось стра́нным, потому́ что ве́тер совсе́м стих.

— Вот они́, — прошепта́л Ожо, дрожа́ и волну́ясь, на́ ухо Кре́ку. — Вот они́... Это они́ колы́шут траву́. Нападём на них!

Бра́тья ки́нулись вперёд с по́днятыми па́лками и в не́сколько прыжко́в очути́лись среди́ живо́тных, кото́рые бесшу́мно дви́гались в траве́. Ма́льчики ста́ли наноси́ть уда́ры напра́во и нале́во, стара́ясь переби́ть как мо́жно бо́льше зверько́в.

В пылу́ охо́ты ма́ленькие охо́тники позабы́ли о вре́мени и совсе́м не замеча́ли, что твори́лось вокру́г. Ме́жду тем в сосе́дних леса́х раздава́лся вой и рёв. Ты́сячи хи́щных птиц, оглуши́тельно ка́ркая и крича́, кружи́лись над голова́ми Кре́ка и Ожо.

Изнемога́я от уста́лости, е́ле шевеля́ рука́ми, бра́тья на мину́ту приостанови́ли свою́ охо́ту. Огляну́лись и прислу́шались. Со всех сторо́н до них доноси́лся визг, вой. Повсю́ду, наско́лько хвата́л глаз, трава́ колыха́лась и дрожа́ла, сло́вно во́лны зы́бкого мо́ря. Ста́и пестру́шек всё прибыва́ли. Вме́сто пре́жних со́тен круго́м бы́ли уже́ деся́тки ты́сяч зверько́в.

Крек и Ожо по́няли (им случа́лось и ра́ньше — пра́вда, и́здали — ви́деть не́что подо́бное), что они́ попа́ли в са́мую среди́ну огро́много по́лчища переселя́ющихся крыс.

В приполя́рных ту́ндрах да́же и в на́ше вре́мя удаётся иногда́ наблюда́ть переселе́ние жи́тников и пестру́шек. Ничто́ не мо́жет останови́ть движе́ние э́тих ме́лких зверько́в. Они́ преодолева́ют все препя́тствия на своём пути́, переплыва́ют ре́ки и покрыва́ют несме́тными ста́ями грома́дные простра́нства.

Положе́ние Кре́ка и Ожо ста́ло не то́лько затрудни́тельным, но и опа́сным. Оживле́ние пе́рвых мину́т охо́ты исче́зло, его́ смени́ли страх и уста́лость. К несча́стью, ма́льчики сли́шком по́здно по́няли, как неосторо́жно они́ поступи́ли, бро́сившись очертя́ го́лову в ста́ю переселя́ющихся крыс.

Со всех сторо́н их окружа́ли несме́тные по́лчища грызуно́в. Напра́сно бра́тья сно́ва взяли́сь за ору́жие: на сме́ну уби́-

тым крысам тотчас появлялись новые. Задние ряды напирали на передние, и вся масса продолжала нестись вперёд, словно живая и грозная лавина. Ещё немного — и грызуны нападут на детей. Зверьки с отчаянной смелостью бросались на маленьких охотников, их острые зубы так и впивались в босые ноги мальчиков. Братья в испуге кинулись бежать. Но зверьки двигались сплошным потоком, ноги мальчиков скользили по маленьким телам. Каждую минуту дети могли оступиться и упасть.

Они остановились. Упасть — это умереть, и умереть страшной смертью. Тысячи крыс накинулись бы на них, задушили и растерзали бы их.

Но в эту минуту Крек взглянул на мёртвые сосны, вблизи которых они стояли. Счастливая мысль внезапно пришла ему в голову: стоит добраться до этих могучих деревьев, и они будут спасены.

И маленькие охотники, несмотря на усталость и жестокие укусы крыс, снова пустили в дело свои палки. С огромным трудом им удалось наконец пробиться к подножию сосен. Тут Крек подхватил Ожо к себе на спину и ловко вскарабкался по стволу.

Несколько сотен зверьков кинулись было вслед за ним, но их сейчас же опрокинули и смяли задние ряды.

Крек посадил Ожо на один из самых крепких и высоких суков и, всё ещё дрожа от страха, огляделся вокруг.

Далеко-далеко, куда только ни достигал взгляд, земля исчезала под сплошным покровом чёрных и серых крыс. От высохшей травы не осталось и следа. Передние стаи всё пожрали.

Стремительное движение пеструшек не прекращалось ни на минуту и грозило затянуться на всю ночь. Ожо, чуть живой от страха и холода, крепко прижимался к брату. Не то было с Креком. Едва он почувствовал себя в безопасности, как самообладание и смелость вернулись к нему. Он зорко оглядывался кругом и отгонял палкой хищных птиц, которые сопровождали полчища пеструшек. Эти птицы сотнями

Крек подхватил Ожо к себе на спину и ловко вскарабкался по стволу.

опуска́лись на ве́тви мёртвой сосны́ ря́дом с детьми́, оглуша́я их свои́ми ди́кими кри́ками.

К но́чи над равни́ной разостла́лась пелена́ ледяно́го тума́на. Но ещё пре́жде чем он успе́л сгусти́ться, ма́льчики заме́тили неподалёку от своего́ убе́жища грома́дного чёрного медве́дя.

Могу́чий зверь, попа́в в пото́к дви́жущихся крыс, сам, каза́лось, находи́лся в большо́м затрудне́нии. Он я́ростно мета́лся из стороны́ в сто́рону, поднима́лся на за́дние ла́пы, пры́гал и жа́лобно рыча́л.

— Брат, — сказа́л Крек, — ви́дно, нам не верну́ться сего́дня ве́чером в пеще́ру. Уже́ темно́, ничего́ не разгляде́ть, но я по-пре́жнему слы́шу си́льный и глухо́й шум. Это кры́сы. Им нет конца́! Мы, наве́рное, оста́немся здесь до утра́.

— Что ж, подождём до утра́, — реши́тельно отве́тил ма́ленький Ожо. — У тебя́ на рука́х мне не хо́лодно и не стра́шно, и я не го́лоден.

— Спи, — отве́тил Крек, — я бу́ду тебя́ карау́лить.

Мла́дший брат ско́ро усну́л, а Крек сторожи́л его́. С мучи́тельной тоско́й ду́мал он об огне́, о нетерпели́вом и прожо́рливом огне́, кото́рый он так легкомы́сленно оста́вил без вся́кого призо́ра. Ого́нь, коне́чно, пога́с, пога́с по его́ вине́, пога́с ра́ньше, чем верну́лись отцы́ и́ли Старе́йший.

Глава V

ОГОНЬ ПОГАС

Что же де́лали остальны́е обита́тели пеще́ры, пока́ Крек, разори́тель гнёзд, вме́сте с ма́леньким бра́том воева́л с легио́нами пестру́шек? Мы по́мним, что Старе́йший повёл же́нщин и дете́й в лес на по́иски пи́щи.

Едва́ они́ на́чали собира́ть сухи́е плоды́ бу́ковых дере́вьев, как где́-то далеко́, о́чень далеко́, в тума́нной дали́, среди́ безли́стых дере́вьев послы́шались глухи́е шаги́.

Старе́йший, приложи́в па́лец к губа́м, приказа́л свои́м спу́тникам храни́ть глубо́кое молча́ние и стал прислу́шиваться. Но вско́ре лицо́ его́ проясни́лось.

Рюг-большеу́хий припа́л к земле́ и, зары́вшись голово́й в траву́, вслу́шивался.

— Ну, Рюг? — спроси́л стари́к.

— Иду́т лю́ди, мно́го люде́й.

— Это на́ши. Трево́житься не́ о чем.

Крик ра́дости вы́рвался у же́нщин и дете́й, но стари́к останови́л их.

— Прислу́шайтесь! — продолжа́л он. — Охо́тники иду́т ме́дленно и ступа́ют тяжело́. Зна́чит, они́ несу́т каку́ю-нибудь но́шу. Что они́ несу́т? Быть мо́жет, ра́неного? Или та́щат на плеча́х тяжёлую добы́чу? Сейча́с мы э́то узна́ем.

Звук шаго́в ме́жду тем с ка́ждой мину́той станови́лся всё я́вственнее и я́вственнее. Наконе́ц вдали́ показа́лась гру́ппа люде́й.

Зо́ркие глаза́ же́нщин сра́зу распозна́ли муже́й и бра́тьев.

— Это на́ши, на́ши! — закрича́ли они́.

При э́том изве́стии де́ти запры́гали от ра́дости. Но Старе́йший суро́во приказа́л им стоя́ть сми́рно.

Зате́м он дви́нулся навстре́чу прибы́вшим, потрясая че́м-то вро́де нача́льнического жезла́, сде́ланного из оле́ньего ро́га. Ру́чка его́ была́ покры́та рису́нками, изобража́ющими ди́ких звере́й.

Охо́тники приве́тствовали старика́ протя́жными дру́жественными кри́ками.

Они́ рассказа́ли Старе́йшему о свои́х стра́нствиях по леса́м, а он пове́дал им, что́ за э́то вре́мя произошло́ в пеще́ре.

Охо́тники принесли́ часть ту́ши молодо́го се́верного оле́ня и полови́ну ло́шади. Это бы́ло всё, что им удало́сь добы́ть. Ди́чи ста́ло гора́здо ме́ньше: уж о́чень мно́го гоня́лось за ней охо́тников сосе́дних племён. С таки́ми охо́тниками повстреча́лись обита́тели пеще́ры и да́же вступи́ли с ни́ми в бой. Но враги́ бежа́ли по́сле пе́рвой же схва́тки. Никто́ из жи́телей пеще́ры не поги́б.

То́лько у не́которых охо́тников на ко́же видне́лись цара́пины и сса́дины, запёкшиеся крова́вые рубцы́. Други́е прихра́мывали и шли, опира́ясь, вме́сто костыля́, на сло́манный сук.

Наконе́ц охо́тники прибли́зились насто́лько, что мо́жно бы́ло расслы́шать их голоса́. Тогда́ ма́тери по́дняли дете́й на́ руки и, храня́ молча́ние, почти́тельно склони́лись перед мужья́ми и бра́тьями.

Прибы́вшие, несмотря́ на уста́лость, дру́жескими же́стами отве́тили на э́тот безмо́лвный приве́т.

Старе́йший рассказа́л охо́тникам, что обита́тели пеще́ры без ма́лого четы́ре дня почти́ ничего́ не е́ли, и предложи́л тут же разда́ть всем по небольшо́му куску́ мя́са, а остально́е спря́тать до за́втра и испе́чь в золе́.

Часть молодо́й оле́нины неме́дленно раздели́ли на куски́. Одна́ко куски́ бы́ли неодина́ковые: охо́тники захвати́ли себе́ лу́чшие, а матеря́м и де́тям доста́лись поху́же. Но они́ и э́тому бы́ли ра́ды. Получи́в свою́ до́лю, они́ усе́лись пода́льше от мужчи́н.

Как то́лько Старе́йший по́дал знак, все жа́дно наки́нулись на мя́со, разрыва́я его́ рука́ми и глота́я огро́мные куски́.

Старе́йший получи́л са́мый почётный и ла́комый кусо́к — содержи́мое оле́ньего желу́дка. Э́то бы́ло отврати́тельное пюре́ из полуперева́ренных трав, но у охо́тничьих племён оно́ и поны́не счита́ется са́мым изы́сканным блю́дом.

Стари́к стара́лся есть ме́дленнее, смаку́я, как и́стый знато́к, стра́нное рагу́, принесённое ему́ сыновья́ми. Но как то́ль-

ко он замечáл, что никтó не глядит на негó, он начинáл совáть в рот кусóк за кускóм с безýдержной прожóрливостью сáмого жáдного из своих прáвнуков.

Старéйший был гóлоден, и в э́ту минýту он не мог дýмать ни о чём, крóме еды́. Рáзве не прия́тно бы́ло чýвствовать, как утихáет гóлод с кáждым нóвым проглóченным кускóм? И он позабы́л о двух отсýтствующих на э́том пирý — о Крéке и Ожо. А ведь старик любил Крéка бóльше других детéй.

Но вот послéдние крóхи бы́ли съéдены, и лю́ди нáчали подýмывать о возвращéнии в пещéру. Охóтники, сы́тые и устáлые, зарáнее предвкушáли ту блажéнную минýту, когдá они уля́гутся на тёплой золé или на шкýрах под свóдами стáрой пещéры. Еды́ у них хвáтит нá день или нá два.

Такие беззабóтные дни рéдко выпадáли на дóлю первобы́тных людéй. Такие дни — вы́сшая нагрáда и величáйшая рáдость для тех, кто жил в непрестáнной и жестóкой борьбé со стихиями.

В э́ти дни пóлного спокóйствия, бездéйствия, сы́тости лю́ди набирáлись сил для нóвых охóтничьих стрáнствий, всегдá опáсных и трýдных.

Они отдыхáли пóсле утомительных дóлгих скитáний по лесáм, где всегдá мóжно бы́ло встрéтить свирéпого звéря или попáсть в засáду к враждéбному плéмени. Лениво растянýвшись на шкýрах, охóтники дремáли или беззабóтно болтáли.

Чáще всегó они толковáли о приключéниях, случившихся во врéмя охóты, или вспоминáли о встрéче с рéдким живóтным, попáвшимся в леснóй чáще. У кáждого находилось что рассказáть и чем похвáстать.

Иногдá какóй-нибудь охóтник брал кость или плóский кáмень и на нём óстрым резцóм выцарáпывал охóтничьи сцéны, живóтных — слóвом, всё, что запóмнилось емý или удивило егó. Конéчно, э́ти рисýнки на кáмне или кóсти бы́ли óчень грýбыми, неумéлыми. Но порóй первобы́тный худóжник так живо и вéрно изображáл живóтных, что мы и тепéрь восхищáемся искýсством э́тих далёких мастерóв.

Охо́тники, утоли́в терза́вший их го́лод, заторопи́лись домо́й. Но они́ так уста́ли, что подвига́лись вперёд о́чень ме́дленно.

Уже́ наступи́ла ночь, когда́ они́ подошли́ к пеще́ре. Обы́чно ещё и́здали они́ замеча́ли краснова́тые о́тблески пла́мени, озаря́вшие приве́тливым све́том вход в их подзе́мное жили́ще. Но на э́тот раз вход был погружён в глубо́кий мрак. Свет — весёлый, бодря́щий, ла́сковый свет — исче́з.

Отря́д останови́лся у подно́жия скалы́. Старе́йшины ста́ли совеща́ться.

«Что здесь случи́лось без меня́?» — поду́мал Старе́йший и ти́хо сказа́л свои́м спу́тникам:

— Храни́телем огня́ сего́дня оста́лся Крек. Предупреди́м его́ о на́шем прихо́де.

Оди́н из охо́тников взял костяно́й свисто́к, висе́вший у него́ на ше́е, и пронзи́тельно сви́стнул.

Но никто́ не откли́кнулся.

— Зна́чит, — прошепта́л Старе́йший, и суро́вое се́рдце его́ дро́гнуло, — зна́чит, Крек у́мер. Наве́рное, на ма́льчиков напа́ли. Они́ и́ли уби́ты, и́ли уведены́ в плен каки́м-нибудь бродя́чим пле́менем.

— Нет, — возрази́л оди́н из старе́йшин, — уже́ давно́ побли́зости не встреча́лся ни оди́н чужезе́мный охо́тник. Крек и Ожо про́сто засну́ли.

— Подни́мемся в пеще́ру, — суро́во промо́лвил Старе́йший. — Если они́ засну́ли, они́ бу́дут жесто́ко нака́заны.

— Смерть им, смерть! — раздали́сь свире́пые голоса́.

— Смерть, е́сли, на го́ре нам, ого́нь пога́с!

Неуже́ли они́ лиши́лись огня́? Снача́ла охо́тники лишь удиви́лись и встрево́жились, заме́тив отсу́тствие кра́сных о́тблесков у вхо́да в пеще́ру. И то́лько тепе́рь бедня́ги я́сно предста́вили себе́, каки́е стра́шные несча́стья сули́т им поте́ря огня́.

Что за беда́, е́сли де́ти поги́бли, — ведь по́льзы от них ма́ло, а корми́ть их всё-таки на́до.

Но е́сли пога́с ого́нь — ого́нь-утеши́тель, кото́рый так ве́село потре́скивал на очаге́... Мысль об э́том приводи́ла в тре́пет са́мого му́жественного охо́тника.

Если ого́нь у́мер, лю́ди то́же умру́т. Они́ зна́ли, чу́вствовали э́то. Как они́ тоскова́ли по огню́ во вре́мя свои́х охо́тничьих стра́нствий! Но ведь тогда́ они́ разлуча́лись с ним ненадо́лго. Но тепе́рь... тепе́рь ого́нь поки́нул их навсегда́. Зна́чит, они́ неизбе́жно поги́бнут.

Никогда́ они́ не попада́ли в тако́е ужа́сное положе́ние.

Ого́нь, ве́рный и жа́ркий ого́нь, жил в пеще́ре мно́го лет. Никто́ не знал, кто и когда́ занёс ого́нь в их жили́ще...

Ле́том трава́ и дере́вья иногда́ загора́лись от мо́лнии, па́давшей с не́ба, как утвержда́ли о́пытные охо́тники.

Но как быть зимо́й? Идти́ к сосе́дям проси́ть, как ми́лости, горя́щую головню́? Но ча́ще всего́ окре́стные племена́, укрыва́вшиеся по неве́домым тайника́м, са́ми сиде́ли без огня́, а те, у кого́ в жили́ще пыла́ло благоде́тельное пла́мя, те ни за что не согласи́лись бы подели́ться э́тим неоцени́мым сокро́вищем.

— Вперёд, — приказа́л Старе́йший дрожа́щим го́лосом.

Уже́ не раз Гель и Рюг доноси́ли старе́йшинам, что ста́я грома́дных гие́н, привлека́емая за́пахом гнию́щих отбро́сов, бро́дит по ноча́м о́коло вхо́да в пеще́ру. То́лько свет костра́ уде́рживал их на почти́тельном расстоя́нии.

Но тепе́рь ого́нь пога́с, и э́ти отврати́тельные живо́тные могли́ забра́ться внутрь пеще́ры; поэ́тому охо́тники поднима́лись по ступе́ням мо́лча и осторо́жно, с рога́тинами наготове, оста́вив же́нщин и дете́й внизу́, у подно́жия скал.

Но пещёра была́ пуста́, со стен её ве́яло ледяны́м хо́лодом. Охо́тники о́щупью обша́рили жили́ще; они́ перебра́ли у́гли очага́, с наде́ждой ощу́пывали золу́. В середи́не ку́ча была́ ещё теплова́той.

Напра́сно Гель, бро́сившийся на золу́ ничко́м, дул изо всей си́лы, пыта́ясь разже́чь теплова́тые у́гли, — ни одна́ и́скорка не вспы́хнула.

Ого́нь поту́х, поту́х навсегда́, а Крек и Ожо исче́зли! Эту

злове́щую весть принёс Гель матеря́м и де́тям; Старе́йший посла́л его́ переда́ть приказа́ние идти́ в пеще́ру.

Наконе́ц все собрали́сь вме́сте. Никто́ не мог бо́льше сде́рживать гро́мких рыда́ний. Кто упа́л в го́ре на зе́млю, кто оста́лся стоя́ть. Но все они́ бы́ли потрясены́, пода́влены...

Когда́ прошёл пе́рвый взрыв го́ря, изму́ченные лю́ди забы́лись тяжёлым сном. Но и во сне они́ стона́ли и вздра́гивали. То́лько Старе́йший, Рюг-большеу́хий и Гель-рыболо́в бо́дрствовали во тьме. Юноши должны́ бы́ли вплоть до са́мого рассве́та сторожи́ть вход в пеще́ру.

Всю ночь Старе́йший просиде́л во́зле холо́дного очага́. Как возроди́ть ого́нь, как верну́ть его́ в пеще́ру? Но напра́сно он ры́лся в сму́тных обры́вках да́вних воспомина́ний. Он был стар, его́ па́мять осла́бла и не могла́ подсказа́ть ему́, как иска́ть спасе́ния от мра́ка и сту́жи, воцари́вшихся отны́не в пеще́ре.

Глава VI

ОСУЖДЕНИЕ

Когда́ се́рый рассве́т ме́дленно разогна́л темноту́, покрыва́вшую зе́млю, Крек откры́л глаза́ и нема́ло удиви́лся, уви́дев себя́ на де́реве. Впро́чем, он сра́зу всё припо́мнил, взгляну́л на брати́шку, спа́вшего у него́ на рука́х, и бы́стро перевёл глаза́ на равни́ну, расстила́вшуюся под ни́ми.

Всё ви́димое простра́нство, вплоть до тёмной опу́шки ле́са, каза́лось безжи́зненной пусты́ней. Земля́ была́ совсе́м го́лой, нигде́ ни были́нки.

Кры́сы исче́зли, а с ни́ми исче́зла и опа́сность.

Крек растолка́л бра́та, и о́ба мальчуга́на, продро́гшие за́ ночь, бы́стро спусти́лись на зе́млю.

Они́ ду́мали то́лько о том, как бы скоре́й добра́ться до пеще́ры и отда́ть бога́тую добы́чу. Быть мо́жет, э́тим они́ вы́молят себе́ проще́ние за до́лгое отсу́тствие.

Ожо беззабóтно смеялся. Но Крек сознавáл свою́ вину́, и сéрдце его́ трепетáло от стрáха.

Они́ подобрáли уби́тых наканýне живóтных и поспéшно дви́нулись в путь. Спускáясь по тропи́нке с утёса, Крек разогрéлся от бы́строй ходьбы́, но стóило емý подýмать о своём простýпке, как кровь холодéла у негó в жи́лах.

Рюг-большеýхий пéрвый услы́шал и уви́дел с порóга пещéры несчáстных охóтников, котóрых он считáл навéки поги́бшими. Он предупреди́л Гéля и ки́нулся им навстрéчу.

Дéти тут же объясни́ли емý, чтó с ни́ми случи́лось и почемý они́ провели́ ночь в лесý.

— Да, конéчно, — проворчáл добродýшный Рюг, — вы хотéли помóчь нам всем. Старéйший, быть мóжет, прости́л бы вас. Но вернýлись отцы́, и гнев их беспощáден. Они́ нашли́ пещéру поки́нутой и огóнь потýхшим. Это твоя́ винá, Крек. Тепéрь вы поги́бли, несчáстные!

— О Рюг! Что с нáми сдéлают?

— То, что дéлают с олéнями и лошадьми́, когдá их окружáт и поймáют.

— Нас убью́т?

— Такóв обы́чай.

Крек опусти́л гóлову на грудь. Ожо приня́лся гóрько плáкать. Они́ понимáли, что такóе смерть.

— Спря́чьтесь в лесý, подáльше отсю́да, — уговáривал Рюг детéй, трóнутый их гóрем. — Иди́те по направлéнию к восхóду сóлнца и кáждый день три́жды стучи́те по стволáм дерéвьев — поутрý, в пóлдень и вéчером. Я услы́шу вас, открóю вáше убéжище и принесý вам едý и одéжду.

— Бежи́м!.. — сказáл Ожо, пытáясь увлéчь Крéка.

— Стóйте!.. — послы́шался вдруг совсéм бли́зко прерывáющийся гóлос; э́то был гóлос Старéйшего.

Рюг и дéти, захвáченные врасплóх, упáли на колéни, с мольбóй протя́гивая рýки.

— Гель сказáл мне, что вы идёте в пещéру и что Рюг побежáл вам навстрéчу, — сказáл стари́к. — Я пошёл вслед за Рю́гом. Я слы́шал, чтó вам совéтовал Рюг. Тепéрь ужé пóздно

бежáть. Я поймáл вас. Наказáние справедли́во и заслу́женно! Вас ждут! Идёмте!

— Сжáлься над нáми, Старéйший!.. — моли́ли дéти.

— Ожо не виновáт, отéц! — горячó вступи́лся за брáта Крек.

Но стари́к, не слу́шая его́, продолжáл — на э́тот раз с гру́стью в гóлосе:

— Крек! Как я вéрил в тебя́! Я любовáлся твои́м му́жеством, твои́м послушáнием, твоéй лóвкостью и нахóдчивостью. Я сдéлал бы из тебя́ охóтника, не знáющего сопéрника. А ты? Что ты сдéлал? Ты уби́л нáшего благодéтеля, ты уби́л огóнь. Ты обрёк всех нас на смерть от свирéпого хóлода. Ты дóлжен умерéть прéжде всех.

— О Старéйший, сжáлься! Я узнáл...

— Твоя́ винá сли́шком великá. Огóнь, вели́кий друг наш огóнь, погáс! И ты виновáт в э́том. Молчи́, не опрáвдывайся. Это не помóжет тебé. Иди́ за мной. А ты, Рюг, не проси́ меня́ за них. Вперёд! Пусть нáши охóтники не уви́дят презрéнных тру́сов, котóрых не стóит дáже вы́слушать.

Несчáстные дéти с замирáющим сéрдцем спусти́лись по той сáмой тропи́нке, по котóрой ещё вчерá подымáлись так вéсело.

От тоски́ и стрáха им стáло жáрко; но когдá они́ вошли́ в пещéру, ужáсный хóлод, смени́вший былóе теплó, срáзу пронизáл их.

Все бы́ли в сбóре, но в пещéре цари́ла пóлная тишинá. Глубóкое отчáяние заставля́ло всех клони́ть гóлову к землé и сдáвливало им гóрло. Это бы́ло ужáсно!

Мáльчики ожидáли услы́шать стрáшные прокля́тия. Они́ приготóвились стóйко перенести́ их, а вмéсто тогó... Это безмóлвное отчáяние взрóслых бы́ло ужáснее сáмых я́ростных угрóз.

Вокру́г поту́хшего очагá сидéли старéйшины.

Врéмя от врéмени они́ почти́тельно притрáгивались к золé, тóчно касáлись тéла дру́га, в смерть котóрого не хóчется вéрить. Вóлосы у них, обы́чно свя́занные в пучóк на маку́шке,

бы́ли тепе́рь распу́щены и па́дали в беспоря́дке по плеча́м в знак глубо́кой печа́ли. Мно́гие пла́кали.

Слёзы, кати́вшиеся по щека́м во́инов, потрясли́ бе́дного Кре́ка. Он по́нял, что поги́б. Ожо, весь дрожа́, иска́л глаза́ми в глубине́ пеще́ры свою́ мать.

Но он не нашёл её среди́ же́нщин, неподви́жно стоя́вших позади́ охо́тников. Тогда́ он сжал ру́ку бра́та и закры́л глаза́.

— Вот де́ти, — сказа́л Старе́йший.

Сде́ржанные рыда́ния послы́шались среди́ же́нщин.

— Пусть говоря́т, мы слу́шаем, — пробормота́л нача́льник, са́мый ва́жный по́сле Старе́йшего.

Крек рассказа́л всё, что с ни́ми случи́лось, почему́ они́ не могли́ во́время верну́ться в пеще́ру. Он про́бовал разжа́лобить старико́в.

— Мы наде́ялись раздобы́ть мно́го пи́щи для всех, — задыха́ясь, зако́нчил ма́льчик свой расска́з, — и то́лько потому́ я поки́нул пеще́ру. Уходя́, я позабо́тился о том, что́бы ого́нь не пога́с, а про́жил бы до на́шего возвраще́ния.

— Ого́нь у́мер... — проворча́л оди́н нача́льник. — И пусть он бу́дет отомщён!

Крек и Ожо расте́рянно озира́лись круго́м. Ди́кие кри́ки, взыва́вшие о ме́сти, станови́лись всё гро́мче и гро́мче. Напра́сно бра́тья иска́ли про́блеска жа́лости на ли́цах старе́йшин и охо́тников. Все ли́ца бы́ли искажены́ отча́янием и я́ростью, во всех взгля́дах свети́лась свире́пая реши́мость.

Ста́рший нача́льник встал, подошёл к де́тям, схвати́л их за́ руки и гро́мко кри́кнул:

— Старе́йшины говоря́т: ого́нь у́мер. Изме́нники должны́ то́же умере́ть. На коле́ни! А вам, отцы́, ма́тери и де́ти, да бу́дет их судьба́ уро́ком.

Он занёс над голово́й ма́леньких престу́пников тяжёлый ка́менный топо́р. Но Крек вы́рвался из его́ рук и упа́л на коле́ни перед Старе́йшим.

— О Старе́йший! — воскли́кнул он дрожа́щим го́лосом. — Ого́нь у́мер, и я уби́л его́; я заслу́живаю сме́рти. Но ты... ты

зна́ешь сто́лько тайн, ты был дру́гом Фо-чужезе́мца... Ра́зве ты не мо́жешь сде́лать то, что де́лал Фо-чужезе́мец?

— Фо-чужезе́мец?.. О чём ты говори́шь? — пробормота́л с удивле́нием стари́к. — Я забы́л э́то и́мя.

— Старе́йший, ты не по́мнишь Фо-чужезе́мца? Он добра́лся до на́шей пеще́ры весь изра́ненный, полуживо́й. Он оди́н уцеле́л по́сле како́го-то стра́шного бо́я. Нача́льники позво́лили ему́ посели́ться ря́дом с на́ми. Он про́жил недо́лго. Он стал твои́м дру́гом, ты мо́жешь сде́лать то же, что де́лал он.

— Что же де́лал Фо-чужезе́мец? — бы́стро спроси́л Старе́йший. — Я вспо́мнил тепе́рь его́, но я не зна́ю, что́ он мог сде́лать. Говори́! А вы, сыны́ мои́, — приба́вил стари́к, — подожди́те нака́зывать его́.

Мра́чное суди́лище безмо́лвствовало, и э́то молча́ние бы́ло отве́том на про́сьбу Старе́йшего.

Крек собра́лся с ду́хом и, кре́пко прижа́в ру́ку к се́рдцу, сно́ва заговори́л, обраща́ясь к старику́:

— Ты позво́лил мне говори́ть, Старе́йший! Ра́зве Фо-чужезе́мец не откры́л тебе́ свое́й та́йны? Так узна́й же всё, что я сам ви́дел свои́ми глаза́ми.

— Что же ты ви́дел, каки́е та́йны откры́л тебе́ Фо-чужезе́мец? Говори́ скоре́й, и пусть никто́ не осме́лится переби́ть тебя́.

— Одна́жды, Старе́йший, — на́чал свой расска́з Крек, — я броди́л по сосе́дним пеще́рам и, как всегда́, перевора́чивал ка́мни, что́бы найти́ каки́х-нибудь живо́тных, кото́рые ча́сто пря́чутся под ни́ми. Оди́н ка́мень оказа́лся о́чень тяжёлым. Я до́лго вози́лся с ним. Но когда́ в конце́ концо́в я переверну́л его́, то нашёл под ним стра́нные, неви́данные ве́щи. От удивле́ния я вскри́кнул. Фо-чужезе́мец услыха́л мой крик и подошёл ко мне. «Это моё, — сказа́л он. — Никогда́ не смей говори́ть о том, что ви́дел, и́ли я убью́ тебя́!» Пото́м он приба́вил: «Когда́ для меня́ насту́пит вре́мя уйти́ в ту страну́, отку́да никто́ не возвраща́ется, я оста́влю ве́щи Старе́йшему в благода́рность за то, что он разреши́л мне посели́ться с ва́ми. Но до

тех пор пусть он ничего́ не зна́ет. Молчи́, ты в э́том не раска́ешься! Впро́чем, — сказа́л мне Фо-чужезе́мец, — раз ты откры́л моё сокро́вище, то узна́й, для чего́ оно́ слу́жит». Он взял коро́ткую, о́чень твёрдую па́лку с ды́рочкой посереди́не; пото́м вста́вил в ды́рку коне́ц ма́ленькой па́лочки и принялся́ бы́стро верте́ть её ме́жду ладо́нями рук. Ско́ро из ды́рочки показа́лся дым, пото́м пла́мя, оно́ зажгло́ сухо́й мох... Вот что я ви́дел.

Пока́ Крек говори́л, ли́ца суро́вых во́инов выража́ли велича́йшее удивле́ние и напряжённое внима́ние. Да́же Старе́йший не в си́лах был сдержа́ть волне́ние и сохрани́ть невозмути́мый вид.

Ма́льчик смолк. Старе́йший вздохну́л по́лной гру́дью и сказа́л, то́чно самому́ себе́:

— Крек, се́рдце моё полно́ ра́дости и наде́жды. Фо-чужезе́мец у́мер, но не откры́л мне свое́й та́йны. Но тепе́рь сло́вно свет просия́л в тёмной бе́здне мое́й па́мяти. Тепе́рь я всё понима́ю. Та́йну Фо зна́ли мои́ пре́дки, но сам я не́ был посвящён в э́ту вели́кую та́йну. Если ты сказа́л пра́вду и мы найдём в пеще́ре сокро́вище чужезе́мца Фо, мы бу́дем спасены́. Ого́нь сно́ва оживёт, весёлый и ла́сковый, он сно́ва бу́дет оберега́ть нас. Быть мо́жет, тебя́ простя́т...

— Да бу́дет так, — сказа́л ста́рший нача́льник. — Пусть де́ти вы́йдут из пеще́ры и подожду́т под надзо́ром Рю́га.

Рюг, о́чень дово́льный в душе́, уже́ хоте́л увести́ ма́льчиков, но Старе́йший сно́ва обрати́лся к Кре́ку:

— Почему́ ты мне ра́ньше не сказа́л об э́том?

— Прости́, е́сли я ху́до сде́лал, Старе́йший, — отве́тил Крек, — но ведь я обеща́л молча́ть. Я ду́мал, тебе́ давно́ изве́стна та́йна! Это бы́ло так давно́, я забы́л об э́том. Хорошо́, что я сейча́с вспо́мнил о Фо-чужезе́мце. Ина́че мне пришло́сь бы умере́ть.

— Что ста́лось с веща́ми чужезе́мца Фо?

— Не зна́ю. Я ни ра́зу не осме́лился пойти́ туда́, где их нашёл. Они́, наве́рное, и тепе́рь там, е́сли то́лько чужезе́мец не полома́л их.

— Хорошо́, Крек, — отве́тил стари́к. — Хорошо́, наде́йся. И ты, Ожо, утри́ слёзы. Рюг! Ты оста́нешься с детьми́. Понима́ешь?

— Понима́ю и повину́юсь.

Старе́йший с волне́нием, кото́рое напра́сно стара́лся скрыть, погляде́л вслед де́тям.

В на́ши дни о́чень мно́гие дикари́ по́льзуются двумя́ па́лочками для добыва́ния огня́. При тре́нии сухо́е де́рево постепе́нно нагрева́ется, начина́ет дыми́ться и в конце́ концо́в загора́ется.

Но в те незапа́мятные времена́, когда́ жи́ли Фо и Крек, то́лько о́чень немно́гие лю́ди уме́ли добыва́ть ого́нь тре́нием. Эти счастли́вые избра́нники ревни́во оберега́ли от всех окружа́ющих свой драгоце́нный секре́т: э́то дава́ло им огро́мную власть над остальны́ми людьми́.

Без сомне́ния, Фо-чужезе́мец скрыва́л свою́ та́йну, наде́ясь с её по́мощью завоева́ть себе́ почётное ме́сто среди́ обита́телей пеще́ры. Но ого́нь в пеще́ре горе́л непреры́вно, и Фо так и не предста́вилось слу́чая прояви́ть своё иску́сство. Перед сме́ртью он не успе́л откры́ть свой секре́т Старе́йшему и, наве́рное, унёс бы свою́ та́йну в моги́лу, е́сли бы Крек случа́йно не по́днял ка́мня.

Убеди́вшись, что де́ти нахо́дятся неподалёку от вхо́да в пеще́ру, стари́к вме́сте с сыновья́ми отпра́вился к ме́сту, где жил Фо-чужезе́мец.

Крек сказа́л пра́вду: под ка́мнем лежа́ли ра́зные ве́щи чужезе́мца: прозра́чные ка́мни, просверлённые посреди́не, куски́ янтаря́ и ага́та и две драгоце́нные па́лочки. Старе́йший жа́дно схвати́л их и пошёл обра́тно в пеще́ру.

Он сел, взял коро́ткую твёрдую па́лочку с ды́рочкой, положи́л её по́д ноги, вста́вил в ды́рочку коне́ц друго́й па́лочки и принялся́ бы́стро верте́ть её ме́жду ладо́нями.

Охо́тники обступи́ли старика́ и не отрыва́ясь следи́ли за ка́ждым его́ движе́нием. Ско́ро из ды́рочки показа́лся лёгкий дымо́к. Толпа́ охо́тников ещё плотне́е сомкну́лась вокру́г старика́. Че́рез го́ловы и пле́чи друг дру́га неотсту́пно гляде́ли

они́ на волше́бные па́лочки. Наконе́ц показа́лся лёгкий дымо́к, и клочо́к сухо́го мха вспы́хнул. Ого́нь воскре́с!

Толпа́ а́хнула, послы́шались восто́рженные восклица́ния. Старе́йший схвати́л клочки́ горя́щего мха и перенёс их на оча́г. Вско́ре затреща́ли ме́лкие су́чья.

Оча́г о́жил, и о́жили су́мрачные ли́ца охо́тников. Кое-кто́ бро́сился к сва́ленным в беспоря́дке ту́шам — добы́че после́дней охо́ты. Им не терпе́лось отве́дать горя́чего мя́са. Но во́ины суро́во останови́ли их.

— Ещё не вре́мя, — стро́го сказа́л Старе́йший. — Ого́нь воскре́с, в пеще́ре сно́ва бу́дет тепло́ и светло́. Тепе́рь нам ну́жно реши́ть, что де́лать с осуждёнными.

Ме́жду тем вино́вные мо́лча, закры́в ли́ца рука́ми, сиде́ли неподалёку от вхо́да, ожида́я пригово́ра.

Рюг наблюда́л за ни́ми, не говоря́ ни сло́ва.

Старе́йшины до́лго совеща́лись. Наконе́ц стари́к вы́шел из пеще́ры и напра́вился к де́тям. Его́ морщи́нистое лицо́ бы́ло мра́чно.

Рюг мо́лча, с трево́гой смотре́л на старика́, как бы спра́шивая его́ о судьбе́ ма́льчиков. Старе́йший сказа́л:

— Ого́нь сно́ва гори́т. Ожо мо́жет верну́ться в пеще́ру. Его́ проща́ют, он ещё мал.

— О, благодарю́! — ве́село воскли́кнул ма́ленький Ожо. Но сейча́с же приба́вил с отча́янием в го́лосе: — А он, Старе́йший? Что же он?

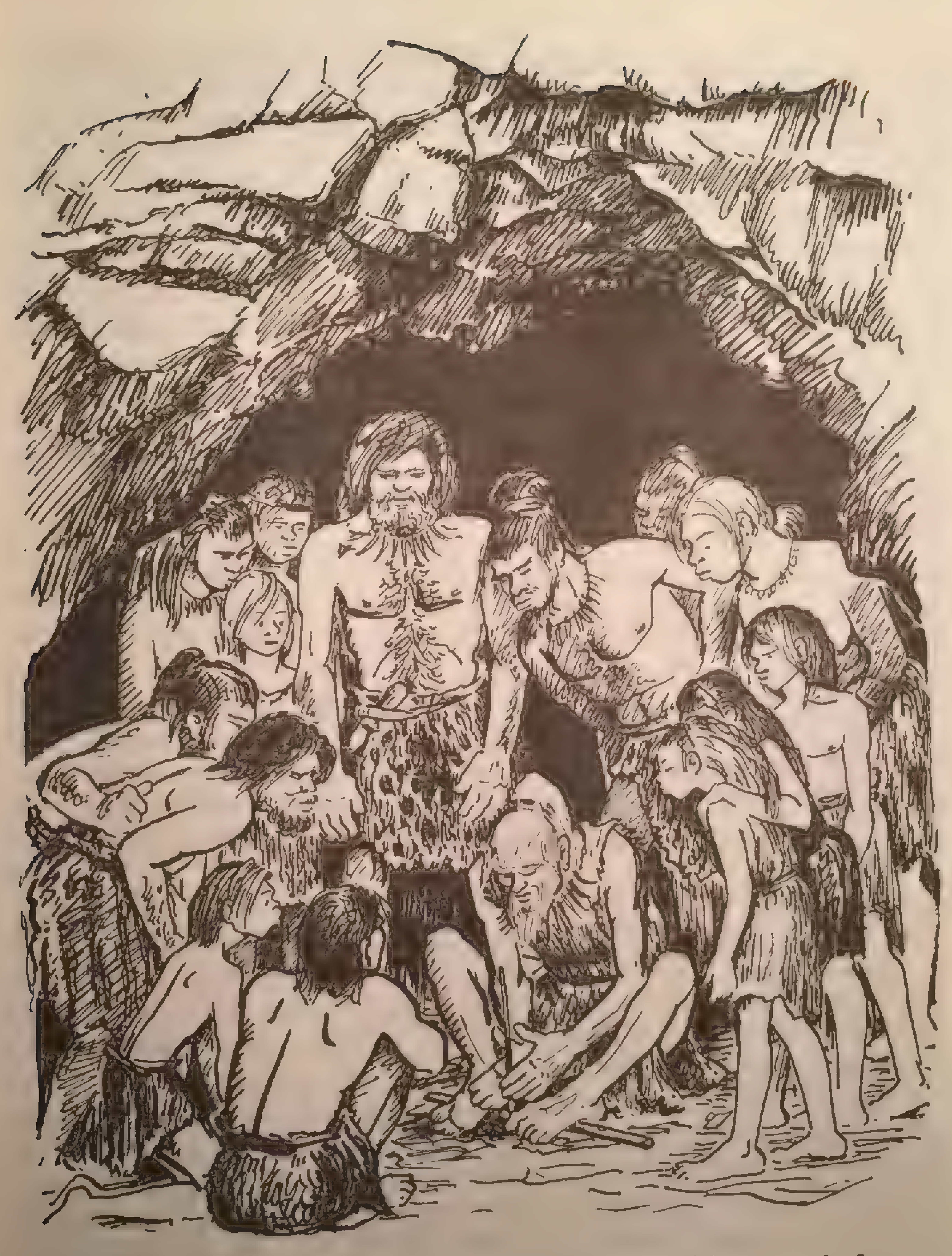
Ожо поверну́лся к Кре́ку, ла́сково гла́дя его́ по плечу́.

— Кре́ку даро́вана жизнь. Но старе́йшины вы́несли тако́й пригово́р: кто хоть одна́жды измени́л своему́ до́лгу, тот и поздне́е мо́жет сно́ва измени́ть ему́. Никто́ не мо́жет бо́лее доверя́ть Кре́ку. Он до́лжен уйти́. Пусть он ухо́дит.

— Ужа́сно! — воскли́кнул Рюг.

— Молчи́, Рюг. Старе́йшины реши́ли: Кре́ку даду́т ору́жие, оде́жду и еду́. Сего́дня же, до зака́та со́лнца, он уйдёт далеко́ отсю́да.

Стон Кре́ка прерва́л его́ речь. Стари́к тяжело́ вздохну́л и продолжа́л:

Охо́тники обступи́ли старика́ и не отрыва́ясь следи́ли за ка́ждым его́ движе́нием.

— Вы с Ге́лем ука́жете изгна́ннику доро́гу к сосе́дним племена́м. Никто́ не хо́чет, что́бы он заблуди́лся в лесу́ и́ли сде́лался добы́чей звере́й. За́втра на заре́ вы вернётесь в пещёру.

— О Старе́йший, э́то ужа́сно! — пробормота́л Рюг. — Ведь Крек так мо́лод...

— Молчи́, Рюг. Как ты сме́ешь ропта́ть! Да́же мать Кре́ка не осме́лилась возража́ть. Молчи́ и сейча́с же ступа́й к твои́м повели́телям. Они́ ждут тебя́, что́бы дать после́дние указа́ния. Ты, Ожо, иди́ за ним. Ну, убира́йтесь!

Рюг мо́лча повинова́лся. За ним, спотыка́ясь, побрёл и Ожо, — ма́льчик ничего́ не ви́дел сквозь слёзы.

— Старе́йший! — воскли́кнул Крек, когда́ они́ ушли́. — Неуже́ли я не уви́жу тебя́ бо́льше? Никогда́ не уви́жу?..

— Никогда́, Крек, никогда́. Но не забыва́й мои́х уро́ков и сове́тов. Я сде́лал всё, что́бы из тебя́ вы́шел ло́вкий, отва́жный и нахо́дчивый охо́тник. Ты до́лжен му́жественно встре́тить беду́. Не плачь! Переноси́ несча́стье хра́бро. Мужчи́на не до́лжен пла́кать. Проща́й!

Крек почти́тельно склони́лся перед Старе́йшим.

Когда́ он по́днял го́лову, Старе́йшего уже́ не́ было. Бе́дный Крек, забы́в после́дние наставле́ния старика́, упа́л ничко́м на ка́мни и го́рько зарыда́л, вспомина́я мать, бра́тьев и ма́леньких сестёр — всех, кого́ он до́лжен навсегда́ поки́нуть.

Глава VII

ИЗГНАННИК

Бли́зился ве́чер.

Ни́зкие чёрные ту́чи обвола́кивали не́бо. Времена́ми накра́пывал ме́лкий дождь. Холо́дный ве́тер, свире́пствовавший весь день, сти́х, и по́лная тишина́ воцари́лась в лесу́. Ни оди́н листо́к, ни одна́ ве́точка не шевели́лись на кро́нах гига́нтских дубо́в и бу́ков. То́лько и́зредка тяжёлая ка́пля срыва́лась

с верху́шки де́рева и со зво́ном разбива́лась о ни́жнюю ве́тку и́ли мя́гко па́дала на поро́сшую мхом зе́млю. Внизу́, ме́жду могу́чими ствола́ми, бы́ло почти́ темно́, и то́лько привы́чный взгляд охо́тника мог бы различи́ть каку́ю-то ма́ленькую фигу́рку, неслы́шно пробира́вшуюся по зелёному мху среди́ необозри́мой лесно́й колонна́ды.

Это был Крек, несча́стный изгна́нник из родно́й пеще́ры.

Гель и Рюг проводи́ли его́, как им приказа́ли, до опу́шки большо́го ле́са. Здесь они́ прости́лись с Кре́ком и верну́лись обра́тно. Расстава́ясь с ма́льчиком, Гель пе́редал ему́ после́дние наставле́ния Старе́йшего: идти́ то́лько при све́те дня, направля́ясь в сто́рону полу́денного со́лнца, а на́ ночь непреме́нно забира́ться на де́рево, — так всего́ безопа́снее. Но Крек, люби́мец Старе́йшего, зо́рко подмеча́л всё, что происходи́ло вокру́г него́, и, как все дикари́, уме́л безоши́бочно определя́ть направле́ние. Он ничу́ть не боя́лся заблуди́ться в лесу́, хотя́ был ещё ребёнком и находи́лся вдали́ от родны́х.

Его́ трево́жило совсе́м ино́е. Мно́го опа́сностей таи́т лес, а что мо́жет сде́лать он оди́н, как бы храбр и нахо́дчив он ни́ был? Вряд ли ему́ уда́стся добра́ться до одного́ из тех племён, к кото́рым он направля́ется, что́бы проси́ть у них прию́та.

Эти мра́чные мы́сли так взволнова́ли Кре́ка, что у него́ начала́сь лёгкая лихора́дка. Что́бы изба́виться от неё, он на ходу́ вырыва́л и жева́л лече́бные коре́нья, как учи́л его́ Старе́йший.

Он шёл в сгуща́ющейся тьме, гля́дя в су́мрачную даль и чу́тко прислу́шиваясь к ка́ждому шо́роху, ка́ждому зву́ку, и́зредка наруша́вшему лесно́е безмо́лвие. То неожи́данно и гро́мко кри́кнет кака́я-нибудь пти́ца, устра́иваясь на ночлёг, то завереща́т ме́лкий зверёк, попа́в в ко́гти хи́щнику, то, наконе́ц, с шу́мом упадёт на зе́млю ши́шка с могу́чей сосны́.

И вся́кий раз Крек вздра́гивал, остана́вливался и до́лго прислу́шивался. Но сно́ва в лесу́ наступа́ла глубо́кая тишина́, и ма́льчик сно́ва шёл и шёл вперёд...

На плеча́х он нёс небольшо́й запа́с прови́зии, а в рука́х

кре́пко сжима́л тяжёлый топо́р с о́стрым ка́менным ле́звием. В по́ясе бы́ло заши́то не́сколько кремнёвых ноже́й.

Когда́ совсе́м стемне́ло, Крек останови́лся у подо́швы грома́дной е́ли. Пора́ бы́ло устра́иваться на ночле́г. Крек неда́ром получи́л про́звище «разори́теля гнёзд»: че́рез мину́ту он был уже́ на верши́не де́рева.

Он устро́ился поудо́бнее среди́ ветве́й, доста́л из мешка́ еду́ и закуси́л. Крек не раз вздохну́л, вспомина́я Ожо: тот спал в пеще́ре по́дле ма́тери... Но уста́лость взяла́ своё, и Крек засну́л.

Но отдыха́л он недо́лго. Да́же во сне чу́ткое у́хо Кре́ка лови́ло лёгкий шо́рох в ветвя́х огро́много де́рева. Ма́льчик то́тчас просну́лся и, сжима́я в руке́ топо́р, стал трево́жно прислу́шиваться.

Шо́рох повтори́лся. Крек по́нял: он не оди́н на де́реве, у него́ появи́лся како́й-то сосе́д по ночле́гу. Кто э́то мог быть?

Крек не знал, что ему́ де́лать. Спуска́ться вниз опа́сно: враг мог ки́нуться на него́ све́рху. Попро́бовать подня́ться вы́ше на ги́бкую верху́шку, — быть мо́жет, неприя́тный сосе́д не посме́ет после́довать за ним?

Крек не знал то́чно, где укры́лся враг, и боя́лся подста́вить ему́ для нападе́ния бок и́ли спи́ну. Остава́лось то́лько одно́: притаи́ться там, где он сиде́л, и пригото́виться к бо́ю. Бой, наве́рное, бу́дет — э́то подска́зывало Кре́ку чу́вство охо́тника.

Шо́рох повтори́лся сно́ва, ещё раз и ещё... И вдруг в просве́т ветве́й, на фо́не ночно́го не́ба, Крек заме́тил каку́ю-то дли́нную тень. В ту же секу́нду ма́льчик перескочи́л на сосе́днюю ве́тку. Крек сам не знал, как э́то случи́лось: его́ во́ля не уча́ствовала в э́том прыжке́. Его́ те́ло, повину́ясь како́му-то вну́треннему поры́ву, само́ перенесло́сь на ближа́йшую ве́тку.

Всё э́то дли́лось то́лько оди́н миг: тень пры́гнула одновре́менно с ним; и на том ме́сте, где он сам то́лько что ожида́л врага́, Крек уви́дел своего́ сосе́да. Это была́ огро́мная рысь. Промахну́вшись, зверь едва́ не сорва́лся с ве́тки и тепе́рь

Крек увйдел своегó сосéда. Это былá огрóмная рысь.

висе́л на ней, уцепи́вшись пере́дними ла́пами и раска́чиваясь всем свои́м дли́нным те́лом.

Крек по́днял топо́р и со всей си́лы уда́рил могу́чего зве́ря по голове́. Раздало́сь зло́бное рыча́ние.

Крек сно́ва замахну́лся, но на э́тот раз уда́р скользну́л по бо́ку живо́тного. Си́льно качну́вшись, рысь успе́ла перескочи́ть на сосе́днюю ни́жнюю ве́тку. Пе́рвая схва́тка ме́жду ло́вким ма́льчиком и свире́пым зве́рем око́нчилась.

На де́реве сно́ва воцари́лась тишина́. Слы́шалось то́лько преры́вистое, хрипя́щее дыха́ние хи́щника. Рысь, ви́дно, была́ тяжело́ ра́нена. Тепе́рь Крек знал, что зверь нахо́дится под ним. Зна́чит, мо́жно бы́ло забра́ться повы́ше.

Но едва́ ма́льчик перескочи́л на ближа́йшую ве́тку, как сза́ди сно́ва послы́шался шо́рох. Ра́неная рысь не хоте́ла отказа́ться от добы́чи. Крек за́мер на ме́сте. Зверь та́кже прити́х. Крек ждал. Ни оди́н звук не наруша́л тишину́ но́чи. Да́же хри́плого дыха́ния зве́ря не́ было слы́шно. То́лько и́зредка како́й-то нея́сный шо́рох раздава́лся среди́ ветве́й.

Трево́га сно́ва охвати́ла ма́ленькое се́рдце Кре́ка.

Что затева́л враг? Крек боя́лся пошевели́ться. Так прошло́ дово́льно мно́го вре́мени.

Вдруг лёгкий шум разда́лся над голово́й ма́льчика, и то́тчас огро́мное те́ло обру́шилось на него́ све́рху. Но Крек успе́л уверну́ться и укры́ться за ствол. Он почу́вствовал то́лько, как о́стрые ко́гти цара́пнули его́ ру́ку вы́ше ло́ктя, и в тот же миг огро́мная ла́па вцепи́лась в ве́тку совсе́м о́коло него́. Изогну́вшись, почти́ вися́ на одно́й руке́, не по́мня себя́ от стра́ха, Крек изо всей си́лы уда́рил топоро́м по ла́пе и услы́шал, как хру́стнула под ле́звием кость.

Уда́р был так силён, что Крек не удержа́л топора́, и он полете́л вниз. А вслед за топоро́м, лома́я ме́лкие ве́тки, среди́ гра́да осыпа́ющихся ши́шек, свали́лась с де́рева и потеря́вшая равнове́сие искале́ченная рысь. Она́ тяжело́ гро́хнулась о́земь. Обы́чно зве́ри коша́чьей поро́ды легко́ па́дают и стано́вятся на ла́пы. Рысь шлёпнулась, как тяжёлый мешо́к: ра́ны её бы́ли серьёзны и она́, обесси́ленная, ру́хнула на зе́млю.

Сначáла под дéревом слы́шалась какáя-то возня́ и подвывáющее злóбное рычáние.

Затéм всё сти́хло.

Дрожá от возбуждéния и пережи́того стрáха, Крек провóрно взобрáлся на сáмую верху́шку дéрева. Он устрóился понадёжнее среди́ ги́бких, качáющихся ветвéй и пéрвым дéлом достáл из-за пóяса сáмый большóй из запасны́х ножéй.

Тепéрь он снóва был вооружён и мог спокóйно ждать нóвого нападéния. Но под дéревом всё бы́ло ти́хо, и в лесу́ воцари́лось безмóлвие.

Дóлго сидéл так Крек.

Исцарáпанная звéрем рукá си́льно сáднила, ему́ бы́ло хóлодно. Понемнóгу дремóта началá одолевáть егó. Тогдá он спусти́лся пони́же и, угнезди́вшись в разви́лине могу́чих ветвéй, скóро заснýл...

«Карр, карр! — надрывáлся огрóмный вóрон, качáясь на вéтке неподалёку от Крéка. — Карр, карр!»

Крек испу́ганно откры́л глазá и не срáзу сообрази́л, где он нахóдится. Бы́ло совсéм светлó. Тяжёлые ту́чи по-прéжнему облегáли всё нéбо. Но ни дождя́, ни вéтра нé было. Перегну́вшись чéрез вéтви, Крек гля́нул вниз. Внизу́, у гóлых корнéй дéрева, в лу́же крóви лежáл труп егó ночнóго врагá. Каки́е-то пернáтые хи́щники ужé терзáли егó. Крек осмотрéл ру́ку. Нéсколько запёкшихся рубцóв укáзывали, где прошли́сь кóгти звéря. Рукá слегкá ны́ла, но Крек мог свобóдно дви́гать éю. Крек ещё раз внимáтельно огляде́лся и спусти́лся вниз.

Прéжде всегó он разыскáл упáвший во врéмя ночнóй схвáтки топóр, затéм подошёл к мёртвой ры́си. На головé её зия́ла глубóкая рáна, прáвая перéдняя лáпа былá отсеченá. Это бы́ло огрóмное великолéпное живóтное. Встрéча с таки́м звéрем в ночну́ю пóру опáсна и для взрóслого охóтника, — Крек имéл пóлное прáво горди́ться своéй побéдой. Крек грóмко кри́кнул; э́то был крик торжествá и побéды. Он совсéм позабы́л о пéрвом прáвиле вся́кого охóтника — храни́ть в лесу́ глубóкое молчáние.

Ему́ отвéтили три далёких кри́ка.

Удивлённый Крек почу́вствовал, как у него́ заби́лось се́рдце. Но, вспо́мнив, что в лесу́ быва́ет э́хо, он то́лько засмея́лся над свое́й оши́бкой.

Одна́ко сле́довало быть осторо́жнее, так поступи́л бы ка́ждый и́стый охо́тник. Он схвати́л топо́р, подбежа́л к де́реву, на кото́ром провёл ночь, прислони́лся к стволу́ и, насторожи́вшись, бы́стро огляде́л ча́щу, стара́ясь прони́кнуть взгля́дом в её таинственную глубь.

Но вот опя́ть до него́ донесло́сь три кри́ка, на э́тот раз, как ему́ показа́лось, голоса́ раздава́лись бли́же.

Это уже́ не могло́ быть э́хо. Это крича́ли лю́ди.

И в са́мом де́ле, спустя́ не́сколько мгнове́ний в ча́ще послы́шался треск сухи́х су́чьев под тяжёлой ступнёй, шо́рох раздвига́емых ветве́й, и два вооружённых подро́стка очути́лись как раз про́тив Кре́ка.

— Брат!.. — закрича́ли они́. — Вот мы и пришли́!

Ошеломлённый Крек вы́пустил топо́р из рук и, весь дрожа́ от ра́дости и изумле́ния, скоре́й прошепта́л, чем сказа́л:

— Гель!.. Рюг!..

— Да, брат! Тепе́рь мы тебя́ бо́льше не поки́нем. Старе́йший позво́лил нам идти́ с ним и разыска́ть тебя́.

— Старе́йший?.. — растерянно повтори́л Крек.

— Да, да, Старе́йший, — внеза́пно произнёс за ним знако́мый го́лос.

Крек бы́стро оберну́лся и уви́дел в двух шага́х от себя́ Старе́йшего с грома́дной во́лчьей шку́рой на плеча́х. Он надева́л её то́лько тогда́, когда́ собира́лся в далёкое путеше́ствие. Он был в по́лном вооруже́нии, а лицо́ его́ бы́ло разрисо́вано бе́лыми полоса́ми, сде́ланными ме́лом, как полага́ется нача́льнику пле́мени. В рука́х стари́к держа́л свой жезл из резно́го ро́га се́верного оле́ня.

Крек преклони́л коле́ни.

— Старе́йший! — сказа́л он. — Ты не поки́нул меня́... Благодарю́ тебя́!

— По́мнишь, Крек, ты не оста́вил твоего́ престаре́лого наста́вника на берегу́ реки́, когда́ на нас надвига́лись ужа́сные

чудо́вища. Я вспо́мнил э́то — и, ви́дишь, я здесь. Я навсегда́ поки́нул пеще́ру. Я никогда́ не расста́нусь с тобо́й и с э́тими двумя́ храбреца́ми — Ге́лем и Рю́гом, — они́ упроси́ли меня́ взять их с собо́й.

— Но что э́то? — продолжа́л стари́к, гля́дя на мёртвого зве́ря, распростёртого у корне́й е́ли. — Неуже́ли ты уби́л его́?

Предше́ствуемый Ге́лем и Рю́гом, он прибли́зился к ры́си, лежа́вшей на земле́.

Пока́ Крек расска́зывал о ночно́й би́тве, а Рюг-больше-у́хий внима́тельно слу́шал, Гель выта́скивал из лы́ковых плету́шек пи́щу для у́тренней тра́пезы.

Когда́ Крек ко́нчил свой расска́з, все приняли́сь за еду́.

— Сего́дня ве́чером,— сказа́л ему́ стари́к,— тебе́ не придётся, как пти́це, забира́ться на ве́тку из стра́ха перед ди́кими зверя́ми. На у́жин у нас бу́дет жа́реное мя́со. Я унёс с собо́й «о́гненные па́лки». В пеще́ре ого́нь до́лго ещё не пога́снет. А мы ка́ждый ве́чер ста́нем зажига́ть ого́нь и по о́череди бу́дем спать на земле́ под его́ надёжной охра́ной.

По́сле за́втрака стари́к помо́г Кре́ку снять шку́ру с уби́той ры́си. Зате́м все дви́нулись в путь, в далёкий, неве́домый мир. Стари́к шёл разме́ренным твёрдым ша́гом, а де́ти — легко́ и ве́село.

Пе́рвый день прошёл для четырёх друзе́й ми́рно, без вся́ких приключе́ний, е́сли не счита́ть пого́ни за ма́ленькой лиси́цей; её кровь охо́тники вы́пили на одно́й из остано́вок.

Глава VIII

В НЕВЕДОМЫЙ МИР

За пе́рвыми дня́ми пути́ после́довало ещё мно́го други́х дней, то па́смурных и дождли́вых, то све́тлых от па́дающего сне́га, но со́лнце пока́зывалось ре́дко. Старе́йший с вну́ками всё продолжа́л идти́ че́рез леса́, равни́ны и го́ры в сто́рону полу́денного со́лнца.

Ни оди́н день не проходи́л без того́, что́бы Крек не получи́л от Старе́йшего и́ли бра́тьев како́го-нибудь поле́зного уро́ка.

Он научи́лся распознава́ть кри́ки, пе́ние, свист, рыча́ние — сло́вом, все голоса́ земли́ и живы́х суще́ств, её населя́ющих.

Приро́да была́ для него́ чуде́сной шко́лой, а стро́гими учителя́ми — нужда́ и лише́ния и иногда́ долголе́тний о́пыт Старе́йшего.

Крек узна́л вся́кие хи́трости и уло́вки, каки́е применя́ются на охо́те за ра́зными живо́тными: уме́л ста́вить западни́, осторо́жно обходи́ть зве́ря, уга́дывать, в каку́ю сто́рону ки́нется вспу́гнутое живо́тное.

Он был моло́же свои́х бра́тьев, но бе́гал, пры́гал, ла́зил, пла́вал и ныря́л гора́здо лу́чше их.

Еле заме́тные следы́ живо́тных, са́мые лёгкие цара́пины ма́леньких когте́й где́-нибудь на коре́ де́рева никогда́ не ускольза́ли от его́ о́строго взгля́да.

Он уме́л подстере́чь и схвати́ть ры́бу так же ло́вко, как Гель; слух у него́ тепе́рь был не ху́же, чем у Рю́га, а обоня́ние так о́стро, что он и́здали мог предсказа́ть, како́е живо́тное приближа́ется к ним.

Но Крек никогда́ не кичи́лся свои́м превосхо́дством, не хва́стал свои́ми зна́ниями. Он всегда́ был гото́в учи́ться и внима́тельно слу́шался ка́ждого сло́ва Старе́йшего.

Это был всё тот же скро́мный и терпели́вый ма́льчик. Он по-пре́жнему восхища́лся ста́ршими бра́тьями и глубоко́ почита́л своего́ учи́теля. Пра́вда, иногда́ Кре́ку каза́лось, что стари́к ошиба́ется, но э́то не могло́ поколеба́ть уваже́ния ма́льчика к престаре́лому наста́внику.

Путеше́ствие затя́гивалось, а пого́да станови́лась всё ху́же и ху́же. Зима́ была́ не за гора́ми.

Стари́к уже́ не раз поду́мывал о том, что бы́ло бы благоразу́мнее вы́ждать наступле́ния бо́лее тёплых дней в како́м-нибудь сно́сном жили́ще.

Но где найти́ жильё?

Постро́ить хи́жину из ветве́й, обложи́ть её то́лстым сло́ем

земли? Но такая хижина не могла защитить путников от осенних дождей и свирепых зимних ветров.

И Старейший, невзирая на суровую погоду, всё ещё продолжал двигаться вперёд. Ему хотелось найти какое-нибудь надёжное убежище на зиму.

Но путь наших странников пролегал по равнине, где трудно было отыскать что-нибудь подходящее.

Как-то раз они попробовали устроиться на ночлег в большой яме, в лесу; это было заброшенное логовище какого-то животного.

Но в ту же ночь прошёл сильный дождь, и воды соседнего болота внезапно разлились по равнине, затопив берлогу, только что превращённую в человеческое жильё.

Путешественники едва не утонули, захваченные водой во время сна. Чуть ли не вплавь спаслись они из этого негостеприимного убежища и бежали на равнину. Здесь провели они остаток ночи под проливным дождём и яростным ветром.

Но судьба наконец сжалилась над нашими странниками.

Однажды охотники преследовали какую-то дичь. Пробегая мимо невысокого холма, густо поросшего деревьями, Рюг заметил, что южный склон его круто обрывается к бурному ручью, протекавшему внизу. В обрыве зияла какая-то чёрная дыра, наполовину прикрытая вьющимися растениями.

Рюг тотчас направился к ней, обошёл её со всех сторон и внимательно осмотрел снаружи. Обрыв был сложен из пластов какого-то сероватого камня. Кое-где плиты обломились и лежали грудами, кое-где нависли над самой водой, образуя обширные навесы.

В одном месте чёрная дыра, откуда бежал маленький ручеёк, вела далеко в глубь обрыва. У входа Рюг заметил огромную кучу слежавшегося мусора и несколько обугленных, полусгнивших коряг.

«Наверное, здесь когда-то жили люди», — подумал Рюг.

И сейчас же прибавил:

«И люди будут жить здесь. Нам нужно как раз такое убежище. Здесь мы найдём защиту от дождей и снега».

Он обошёл холм, чтóбы убеди́ться, нет ли где́-нибудь другóго вхóда в таинственное подземе́лье. Но пóиски егó бы́ли напрáсны: тёмное отве́рстие под обры́вом, загорóженное се́ткой вьющихся расте́ний, бы́ло еди́нственным вхóдом в пещéру.

Рюг осторóжно раздви́нул лиáны и тернóвник, закрывáвший отве́рстие, и отвáжился заглянýть вглубь.

— Очень темнó, — проговори́л он, — но затó ти́хо.

Рюг пригнýлся и, держá копьё наготóве, полéз в подземе́лье.

Прошлó нéсколько секýнд, как юноша скры́лся под камня́ми. Вдруг из пещéры послы́шался неясный треск, затéм пронзи́тельные кри́ки и удáры.

Ещё мгновéние — и в отве́рстии пещéры показáлся Рюг, запыхáвшийся, забры́зганный крóвью, с облóмком копья́ в рукé; он перевёл дух и со всех ног брóсился бежáть к томý мéсту, где мог находи́ться Старéйший.

Мéжду тем стари́к и мáльчики нáчали ужé тревóжиться за Рюга.

Когдá юноша подбежáл к свои́м друзья́м, он не сел, а упáл óколо кострá; он молчáл и дрожáл всем тéлом.

Стари́к и дéти смотрéли на негó с удивлéнием.

— Что случи́лось, Рюг? — спроси́л Старéйший. — Откýда э́та кровь? У тебя́ орýжие слóмано! Что произошлó?

— Лю́ди... лю́ди... — бормотáл Рюг, мáло-помáлу начáвший дышáть спокóйнее.

— Лю́ди! Где? — вскричáли охóтники.

— Вот там, в подземéлье. Они́ напáли на меня́ в темнотé. Я сражáлся во мрáке, но моё копьё сломáлось, и я бежáл. Нáдо бы́ло предупреди́ть вас об опáсности и помешáть вам попáсть к ним в засáду. Скóлько я их уби́л! Скóлько я их уби́л! Мнóго, óчень мнóго! Но их остáлось ещё бóльше.

Охóтники всё врéмя прерывáли расскáзчика восклицáниями. Эта весть поразúла их. Они́ бы́ли хрáбры, но и сáмые хрáбрые вóины при вéсти о бли́зкой би́тве станóвятся серьёзными.

— Встава́йте, — приказа́л Старе́йший. — Бери́те ору́жие. Идём навстре́чу врагу́. Но почему́ они́ не пресле́довали тебя́?

Ми́рные путеше́ственники сра́зу преврати́лись в во́инов и в стро́гом боево́м поря́дке дви́нулись к пеще́ре.

Гель захвати́л с собо́й дли́нную горя́щую головню́ — так приказа́л ему́ стари́к.

Они́ подошли́ ко вхо́ду в мра́чное подземе́лье, Гель бро́сил туда́ свой горя́щий фа́кел. Во́ины, потрясая́ ору́жием, разрази́лись вои́нственными кли́ками. Они́ ожида́ли, что враг, сиде́вший в заса́де, сейча́с же я́ростно набро́сится на них.

Но вме́сто люде́й, с кото́рыми так хра́бро сража́лся Рюг, из пеще́ры с пронзи́тельным кри́ком вы́летели каки́е-то больши́е чёрные и ры́жие существа́.

Одни́ из них бы́стро улете́ли, исчёзнув ме́жду дере́вьев, други́е, ра́неные, попа́дали на зе́млю.

Оказа́лось, что Рюг-большеу́хий в темноте́ при́нял за люде́й огро́мных лету́чих мыше́й.

Охо́тники осмотре́ли уби́тых звере́й. Коне́чно, э́ти живо́тные бы́ли не так страшны́, как вооружённые лю́ди, но никто́ не смея́лся над испу́гом Рю́га: в тёмной пеще́ре их легко́ бы́ло приня́ть за свире́пых чудо́вищ.

Пото́м все верну́лись к пеще́ре.

Крек влез в неё, по́днял головню́, разду́л ого́нь и, подбро́сив в костёр сухо́й травы́ и ве́ток, стал на поро́ге, ожида́я, не поя́вится ли ещё како́й-нибудь враг. Но внутри́ всё бы́ло ти́хо, и, когда́ дым рассе́ялся, все забрали́сь под ка́менные сво́ды.

Пеще́ра была́ низкова́та, но дово́льно суха́ и просто́рна. Ма́ленький ручеёк, выбива́ясь из рассе́лины в глубине́ пеще́ры, протека́л вдоль стены́. У вхо́да видне́лись следы́ дре́внего очага́. Сво́ды и сте́ны бы́ли закопчены́.

Ви́дно, здесь не́когда обита́ло како́е-то не сли́шком многолю́дное пле́мя.

Старе́йший осмотре́л пеще́ру, и она́ показа́лась ему́ подходя́щим убе́жищем от непого́ды и от ди́ких звере́й. Бы́ло решено́ провести́ здесь оста́ток зимы́.

В э́тот ве́чер охо́тники спа́ли уже́ под кро́вом. В пе́рвую ночь почётная обя́занность оберега́ть остальны́х и следи́ть за огнём вы́пала на до́лю Кре́ка...

Зима́ прошла́ быстре́е, чем ожида́ли охо́тники. Жесто́кие моро́зы ско́ро смени́лись о́ттепелями и дождя́ми. В моро́зные дни охо́та на оле́ней была́ бо́лее уда́чна, потому́ что э́ти живо́тные оты́скивали под сне́гом лиша́йники и мох.

Около жили́ща охо́тников протека́ла ти́хая, заро́сшая камышо́м ре́чка. Когда́ наступи́ли тёплые дни и оле́ни ушли́ к полу́ночным стра́нам, на́ши охо́тники на́чали бить по берега́м реки́ кабано́в, боло́тных птиц, выдр и други́х, бо́лее ре́дких звере́й. Одни́ зве́ри бы́ли грома́дны, други́е чуть побо́льше кро́ликов. Все э́ти зве́ри и зверьки́ валя́лись в грязи́, пла́вали, ныря́ли, оты́скивая ры́бу и́ли ко́рни водяны́х расте́ний.

Одна́жды на охо́те Крек сде́лал о́чень ва́жное откры́тие.

На берегу́ реки́ лежа́ли упа́вшие дере́вья. Они́ бы́ли насто́лько велики́, что у ма́льчиков не хвата́ло си́лы подтащи́ть их к пеще́ре. Рюг пыта́лся расколо́ть их больши́м ка́менным топоро́м, но из э́того ничего́ не вы́шло. Ка́менный топо́р то́лько скользи́л по твёрдому вы́сохшему де́реву. Так они́ и оста́лись лежа́ть на берегу́, во́зле са́мой воды́.

Живо́тное, за кото́рым охо́тился Крек, спря́талось в нору́, как раз под одни́м из э́тих стволо́в. Ма́льчик принялся́ расширя́ть и расчища́ть рука́ми и дре́вком копья́ нору́, а пото́м позва́л на по́мощь Рю́га.

В конце́ концо́в ма́льчики реши́ли, что лу́чше всего́ откати́ть де́рево в сто́рону, и тогда́ они́, наве́рное, пойма́ют зверька́.

Бе́рег дово́льно кру́то спуска́лся к реке́, и Крек с Рю́гом без осо́бого труда́ скати́ли бревно́ вниз; де́рево с разго́на упа́ло в во́ду, разбра́сывая це́лые фонта́ны брызг.

Сухо́й и кре́пкий ствол, ти́хо колыха́ясь, поплы́л по тече́нию.

Гель в э́то вре́мя купа́лся; уви́дев скати́вшееся бревно́, он бро́сился за ним вдого́нку. Тащи́ть большо́е тяжёлое бревно́ бы́ло тру́дно, и Гель реши́л взобра́ться на него́ верхо́м, рассчи́тывая, что так ему́ ле́гче бу́дет напра́вить его́ к бе́регу.

Мальчики стали плавать втроём, кое-как управляя подобранными в воде палками.

Гель рассчитáл прáвильно. Сначáла он плыл верхóм на бревнé по рекé, а затéм благополýчно причáлил к бéрегу.

Мéжду тем Крек и Рюг, поймáв зверькá, решúли отдохнýть и вы́купаться. Недóлго дýмая онú брóсились в рекý вдогóнку за Гéлем. Но Гель на бревнé плáвал горáздо быстрéе их. Крéку и Рю́гу э́то показáлось обúдным, и онú решúли последовать примéру Гéля.

Мáльчики скатúли в вóду ещё два бревнá, и вскóре на рекé показáлась цéлая флотúлия. На бéрег вы́шел Старéйший; егó привлеклú весёлые крúки и возня́ ребя́т; он присéл на травý и стал любовáться их úграми.

Случáйно бревнó Рю́га сцепúлось своúми крючковáтыми сýчьями с бревнóм Крéка. Мáльчики попрóбовали разъединúть брёвна, но э́то им никáк не удавáлось. Тут Крéка осенúла нóвая мысль.

— Давáйте плáвать вмéсте. Как мнóго у нас мéста! Гель, — крúкнул он, — подплывáй к нам, садúсь вмéсте с нáми!

Мáльчики стáли плáвать втроём, кое-кáк управля́я подóбранными в водé пáлками.

Старéйший оклúкнул их и приказáл подплы́ть к бéрегу. Когдá брáтья приблúзились к бéрегу, старúк сошёл в вóду и осмотрéл их самодéльный плот. Затéм он велéл дéтям наломáть гúбких ветвéй и спустúть нá воду ещё нéсколько стволóв.

Потóм Старéйший, обрубúв кое-гдé вéтки, пригнáл стволы́ поплотнéе друг к дрýгу и нáчал свя́зывать их гúбкими прýтьями и ветвя́ми лиáн. Мáльчики немéдленно принялúсь емý помогáть, и скóро неуклю́жий, но затó óчень прóчный плот был готóв. Он отлúчно выдéрживал тя́жесть старикá и мáльчиков. Старéйший остáлся óчень довóлен своéй вы́думкой.

Так как рекá теклá по направлéнию к восхóду сóлнца, то Старéйший объявúл дéтям, что часть путú онú сдéлают на плотý. Плыть по рекé лéгче и спокóйнее, чем стрáнствовать пешкóм.

Дéти пришлú в востóрг от э́той затéи. Трóнуться в путь решúли на слéдующий день.

Утром охóтники срéзали и подсушúли над кострóм нé-

сколько длинных и крепких жердей, которые должны были служить для управления плотом.

Плот устлали связками камыша, перенесли на него весь запас провизии и свои убогие пожитки.

Затем Старейший торжественно взошёл на плот и приказал Рюгу и Гелю вытолкнуть плот из прибрежных камышей на чистую воду. Мальчики не без волнения повиновались этому приказу, и скоро плот, тихо покачиваясь, поплыл посередине реки.

Глава IX

ОЗЁРНЫЕ ЖИТЕЛИ

Плыть легче, чем идти, и всё же плавание на неуклюжем плоту утомляло наших путешественников. Всё время приходилось зорко следить за тем, чтобы плот не опрокинулся. Целые дни проводили мальчики с шестами в руках, то отталкивая плывшие навстречу коряги, то проворно причаливая к берегу, чтобы избежать опасной встречи с каким-нибудь водяным животным, то снимая плот с мели и направляя его на середину реки. Наконец, на шестой день пути, обогнув крутой поворот, храбрые плаватели увидели вдали обширную голубую равнину, окружённую туманными горами.

Река, по словам дальнозоркого Крека, словно терялась в этой равнине.

Старейший объяснил детям, что голубая равнина — это большое озеро, отражающее ясное небо.

Крек по своей привычке собрался было засыпать старика вопросами. Но Рюг внезапно вмешался в разговор и помешал ему.

— Я слышу какой-то шум, — сказал Большеухий. — Он доносится с правого берега, из-за леса. Не то топот стада оленей или лосей, не то стук камней. Прислушайся, Крек! Словно гигантские животные роют берег или сыплются какие-то камни.

Крек, прислу́шавшись, сказа́л, что э́то ссыпа́ют вме́сте гру́ды камне́й.

— Говори́те шёпотом, — сказа́л стари́к, — а ты, Гель, передай мне мешо́к, он у тебя́ под нога́ми. Ка́мни, наве́рно, кида́ют лю́ди. Нам пона́добится ору́жие, е́сли придётся сража́ться, и пода́рки, е́сли мы всту́пим с ни́ми в перегово́ры. Я наде́юсь, что незнако́мые лю́ди, уви́дев мои́ сокро́вища, встре́тят нас приве́тливо.

Стари́к развяза́л жи́лу, стя́гивавшую мешо́к. И в са́мом де́ле, ве́щи, храни́вшиеся в мешке́, составля́ли по тем времена́м велича́йшую ре́дкость. Стари́к неда́ром горди́лся и́ми. Тут бы́ли куски́ го́рного хрусталя́, ага́та, мра́мора и жёлтого янтаря́, обто́ченные и просверлённые; из них низа́лись почётные ожере́лья. Бы́ли тут и пёстрые ра́ковины, попа́вшие из далёких стран, иску́сно сде́ланные наконе́чники стрел, куски́ кра́сного ме́ла для разрисо́вки лиц, перламу́тровые ши́ла, рыбо́ловные крючки́ и иго́лки из слоно́вой ко́сти.

Все э́ти сокро́вища стари́к собра́л за свою́ до́лгую жизнь. Де́ти рассма́тривали их, широко́ раскры́в глаза́ от удивле́ния. Но им не пришло́сь до́лго любова́ться драгоце́нностями. На́до бы́ло сно́ва принима́ться за шесты́. Плот, подхва́ченный тече́нием, бы́стро приближа́лся как раз к тому́ ме́сту, отку́да раздава́лся шум, с ка́ждой мину́той станови́вшийся всё сильне́е и сильне́е.

Стари́к спра́шивал себя́, не сли́шком ли неосторо́жно с их стороны́ продолжа́ть спуска́ться по реке́ на плоту́, не лу́чше ли им вы́садиться и укры́ться под привы́чную сень береговы́х лесо́в, когда́ Крек, дотро́нувшись до его́ руки́, прошепта́л:

— Старе́йший, нас заме́тили... Я ви́жу вдали́, на са́мой середи́не реки́, каки́х-то люде́й. Они́ плыву́т на древе́сных ствола́х и де́лают нам зна́ки. Вон они́!

— Тепе́рь по́здно скрыва́ться. Поплывём к ним навстре́чу, — отве́тил Старе́йший. С э́тими слова́ми он встал, подде́рживаемый Ге́лем, и, в свою́ о́чередь, принялся́ подава́ть зна́ки руко́й.

Через несколько минут плот путников окружили четыре плавучие громады, — таких никогда не видели ни Крек, ни Старейший. То были лодки, выдолбленные из цельных древесных стволов, заострённых по обоим концам. В этих лодках стояли люди и держали вёсла.

— Эти люди знают больше меня, но вид у них миролюбивый, — сказал Старейший, глядя с восхищением на незнакомцев и их лодки. — Быть может, они дадут нам приют. Надо постараться, чтобы нас хорошо приняли.

Он обратился к незнакомым людям с миролюбивой речью, а те смотрели на пришельцев скорее с любопытством, чем враждебно, и с видимым удивлением указывали друг другу на странный плот наших путешественников.

Гребцы в лодках, вероятно, не поняли речи старика, но приветливое выражение его лица, его спокойные, миролюбивые жесты, ласковые переливы голоса, несомненно, убедили их, что почтенный старик и его молодые спутники не питают никаких враждебных замыслов.

Лодки вплотную приблизились к плоту. Обе стороны обменялись приветственными жестами и улыбками.

Крек с жадным любопытством разглядывал прибывших. По своей одежде и оружию люди в лодках были очень похожи на людей, спустившихся к озеру на плоту.

Пока длилась церемония первого знакомства, лодки и плот продолжали плыть вниз по реке и скоро очутились против пологого песчаного берега. Тут нашим путешественникам открылось никогда не виданное, странное зрелище.

Недалеко от берега, по склонам холма, сплошь покрытого галькой и гравием, двигались взад и вперёд вереницы людей. Одни наполняли камнями кожаные мешки, другие сносили эти мешки к берегу и высыпали камни в лодки.

Грохот ссыпаемых камней слышали издалека Крек и Рюг.

Плот и лодки направились к берегу и скоро причалили. На берегу, на вершине холма, в широкой выемке Старейший и мальчики увидали скелет громадного животного.

Чудовищный скелет отчётливо вырисовывался на голубом

не́бе; каза́лось, дли́нные побеле́вшие ко́сти де́ржатся каки́ми-то неви́димыми свя́зками.

Грома́дные пло́ские рога́, уса́женные острия́ми и зу́бьями, торча́ли по о́бе стороны́ могу́чего че́репа, высоко́ поднима́я свои́ разветвле́ния. По-ви́димому, э́то был оле́нь и́ли да́же, верне́е, лось. Когда́-то, о́чень давно́, тече́ние приби́ло его́ труп к берегово́й о́тмели; мно́го лет подря́д река́ заноси́ла его́ песко́м и га́лькой. Наконе́ц река́, проры́в себе́ бо́лее удо́бное ру́сло, отошла́ в сто́рону. Труп оста́лся погребённым в берегов́ых холма́х. Тепе́рь лю́ди, добыва́я песо́к и га́льку, раскопа́ли его́ моги́лу.

Старе́йший мно́го раз в свое́й жи́зни охо́тился на ло́ся и ел его́ мя́со. Но тако́го грома́дного зве́ря он никогда́ не ви́дывал; чудо́вищные оста́нки э́того свиде́теля проше́дших времён порази́ли его́ и ма́льчиков.

Ме́жду тем лю́ди на холме́ продолжа́ли свой тяжёлый и непоня́тный для на́ших пу́тников труд. Не́сколько челове́к отдели́лись от толпы́ рабо́тавших и подошли́ к прише́льцам.

По ва́жной оса́нке, по уве́ренному ви́ду, по украше́ниям воло́с, ожере́льям и, наконе́ц, по нача́льническим жезла́м Старе́йший сра́зу призна́л в незнако́мцах вожде́й пле́мени и протяну́л к ним свои́ дары́. Вожди́ ми́лостиво, с досто́инством улыбну́лись, и ме́жду ни́ми и старико́м завяза́лся дли́нный разгово́р при по́мощи зна́ков.

Старе́йший вы́разил жела́ние найти́ для себя́ и свои́х ю́ных спу́тников ми́рный прию́т в жили́щах э́того пле́мени. Он покля́лся, что они́ бу́дут служи́ть ве́рой и пра́вдой приюти́вшим их лю́дям. Быть мо́жет, со вре́менем их при́мут в чле́ны вели́кой но́вой семьи́, кото́рую они́ нашли́ по́сле дли́нного путеше́ствия, тако́го опа́сного и тя́гостного.

Вожди́ не без труда́ по́няли, что́ хоте́л сказа́ть стари́к. Они́ сме́рили взгля́дом Ге́ля, Рю́га и Кре́ка. Ло́вкие и сме́лые ма́льчики, ви́димо, понра́вились им. Они́ нужда́лись в си́льных и смышлёных рабо́тниках, что́бы зако́нчить ва́жную рабо́ту, на́чатую на берегу́ о́зера. И они́ согласи́лись испо́лнить про́сьбу Старе́йшего.

Гель, Рюг и Крек почти́тельно склони́лись перед ни́ми и приняли́сь ве́село собира́ть га́льку, не понима́я ещё, заче́м и для чего́ они́ э́то де́лают.

Вожди́ сра́зу призна́ли Старе́йшего ра́вным себе́ челове́ком. Они́ усади́ли его́ ря́дом с собо́й и предложи́ли в знак сою́за вы́пить вме́сте с ни́ми речно́й воды́, по́данной в большо́й ра́ковине.

Тем вре́менем пиро́ги нагрузи́ли до́верху. Все рассе́лись по ло́дкам, путеше́ственники сно́ва помести́лись на своём плоту́, и флоти́лия тро́нулась в путь к посёлку тузе́мцев.

Они́ вско́ре дости́гли у́стья реки́. Здесь начало́сь о́зеро, безбре́жная гладь воды́... Старе́йший и ма́льчики бы́ли поражены́ велича́вым просто́ром о́зера.

Но вот путеше́ственники вы́плыли в о́зеро, и перед ни́ми откры́лось ещё бо́лее чуде́сное зре́лище. Спра́ва от у́стья реки́, дово́льно далеко́ от бе́рега, видне́лось мно́го хи́жин, кры́тых тростнико́м и обма́занных гли́ной. Хи́жины стоя́ли на широ́ком помо́сте из древе́сных стволо́в. Кре́пкие сва́и, про́чно укреплённые в воде́, подде́рживали помо́ст.

Вода́ была́ так прозра́чна, что на́ши пу́тники могли́ заме́тить на дне о́зера, у подно́жия ка́ждой сва́и, грома́дные ку́чи га́лек и гра́вия.

Тут то́лько они́ по́няли, заче́м жи́тели посёлка привози́ли издалека́ гру́ды щё́бня и песку́.

Прямы́е стволы́ дере́вьев, гру́бо обтёсанные, не могли́, коне́чно, глубоко́ войти́ в камени́стую по́чву о́зера, а «ба́бы», кото́рыми тепе́рь забива́ют сва́и, тогда́ ещё не́ были изве́стны. Что́бы про́чно укрепи́ть сва́и на дне о́зера, у их основа́ния насыпа́ли грома́дные ку́чи камне́й.

Старе́йший и тро́е ю́ношей с изумле́нием смотре́ли на э́ти дома́ на воде́, где отны́не им бы́ло суждено́ жить.

— В э́тих тростнико́вых пеще́рах, — сказа́л Рюг, — мо́жно отдыха́ть споко́йно. Кро́ме птиц, змей и пожа́ров, здесь не́чего боя́ться.

Гель и Крек согласи́лись, что здесь жить бы́ло гора́здо прия́тней, чем в пеще́ре.

Но к радости Крека примешивалась доля печали. Ему недоставало матери и сестёр, Маб и Он. Как бы хорошо было, думал он, если бы на помосте, где стояли хижины, он увидел бы их знакомые фигуры. Что-то они делали теперь? Не забыли ли они его?

Но всё кругом было так ново, так необычно, что грусть Крека быстро прошла. И когда лодки остановились у места, где сваи засыпали гальками, Крек снова развеселился. Он хотел теперь одного: как можно скорее доказать, что он трудолюбив, мужествен, сметлив и будет полезен новой семье.

Между тем на помосте теснились обитатели деревни, с удивлением рассматривая плот с чужеземцами. Они приветливо встретили пришельцев. Молодёжь, всегда любопытная, внимательно осматривала одежду и оружие нежданных гостей.

Дружба между молодёжью заключается скоро, и спустя несколько часов братья и озёрные мальчики так подружились, словно они с детства знали друг друга.

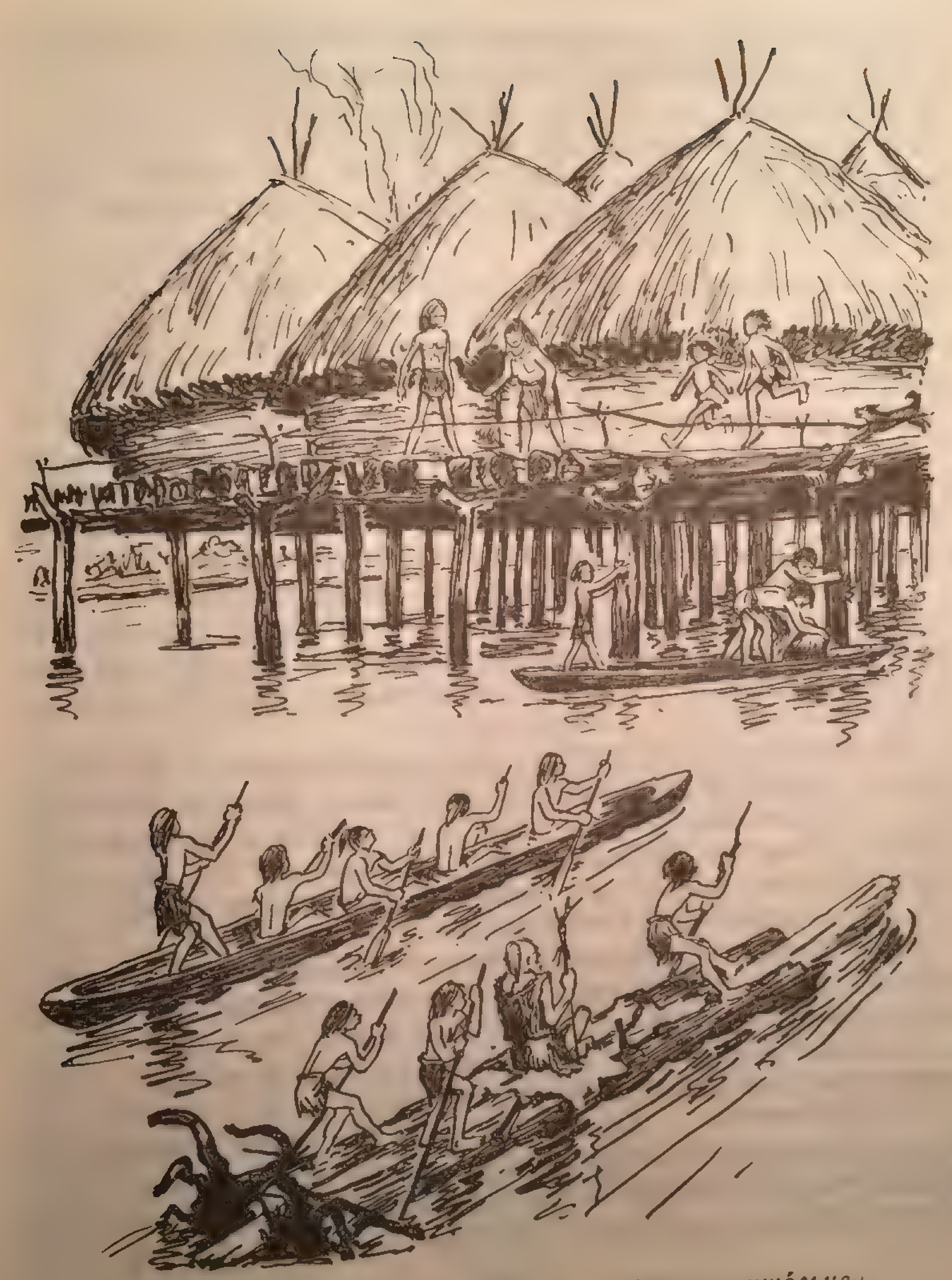
Гель-рыболов сразу же стал работать вместе с водолазами, — они попеременно поддерживали сваи в отвесном положении, пока их основание укрепляли камнями. Гель чудесно нырял и мог оставаться под водой очень долгое время.

Рюг присоединился к тем работникам, которые устанавливали сваи в воде, и очень быстро научился обтёсывать и заострять концы древесных стволов с помощью длинного топора из шлифованного камня.

Старейший долго осматривал новые орудия. Эти полированные каменные топоры, наконечники копий и стрел были такими острыми, гладкими и красивыми. И конечно, эти орудия были гораздо совершенней грубо обтёсанных, кое-как обитых орудий жителей пещеры. Старик радовался, что встретил племя, которое умеет строить такие чудесные дома и изготовлять такое прекрасное оружие.

Вечером, когда наши путешественники остались одни в новом жилище, большой и хорошо закрытой хижине, Старейший поделился с мальчиками своими впечатлениями.

— Дети мои, — сказал он, — я рад, что мы встретили

Обита́тели дере́вни приве́тливо встре́тили пришельцев.

людéй, котóрые — я признаю́сь в э́том без стыдá — знáют кудá бóльше, чем старéйшины нáшей пещéры и чем я сам. Учи́тесь у них. Вы мóлоды и скóро наýчитесь всемý, что знáют э́ти лю́ди. Они́ изобрели́ мнóго хорóших вещéй, и живётся им в э́той ми́рной странé горáздо лéгче, чем нам в нáших лесáх. А мне в мои́ гóды ужé трýдно переýчиваться, хотя́ мне нрáвится всё, что я ви́жу здесь.

— Старéйший, — сказáл Крек, — я ви́дел, как они́ просвéрливают в топорáх дырý для крéпких деревя́нных рукоя́ток. Для э́того нужны́ костянáя пáлка, песóк и водá. На топóр они́ насыпáют мéлкий песóк, поливáют егó водóй, затéм с си́лой надáвливают на негó костянóй пáлочкой и начинáют её вращáть. Всё врéмя они́ подсыпáют песóк и подливáют вóду. Сначáла получáется мáленькая впáдина, постепéнно онá становится всё глýбже и глýбже и наконéц превращáется в дырý. Но как упóрно и дóлго прихóдится им рабóтать!

Старéйший похвали́л Крéка за наблюдáтельность.

Пéрвая ночь на óзере прошлá спокóйно. С тех пор как пýтники остáвили роднýю пещéру, впервы́е ни грóзный рёв, ни кри́ки ночны́х живóтных не прерывáли их сна. Ти́хий плеск воды́ о свáи, казáлось, убаю́кивал их.

На другóй день пýтники проснýлись бóдрыми и весёлыми. Вы́йдя на мостки́, соединя́вшие дерéвню с бéрегом, они́ уви́дели, что обитáтели хи́жин давнó ужé встáли и приняли́сь за рабóту. Жéнщины жáрили ры́бу и мя́со на очагáх. Эти очаги́ бы́ли слóжены из плóских камнéй, скреплённых и́лом, котóрый под влия́нием жáра обрати́лся в кáмень.

Быть мóжет, и́менно вид э́того обожжённого и́ла и внуши́л позднéе первобы́тным лю́дям мысль лепи́ть из негó сосýды наподóбие плетýшек из коры́ и обжигáть их на огнé.

Старéйший объясни́л дéтям, что благодаря́ кáмню и и́лу деревя́нный помóст не мóжет загорéться.

— Признаю́сь, — сказáл он, — я всё врéмя боя́лся, как бы в посёлке не вспы́хнул пожáр и не погуби́л хи́жин. Но чудéсные очаги́ из камнéй и и́ла отли́чно предохраня́ют посёлок от пожáра.

Внеза́пно гро́мкие и хри́плые зву́ки прерва́ли э́тот разгово́р. Старе́йший бы́стро огляну́лся: де́ти из посёлка изо всех сил дуде́ли в больши́е ра́ковины. На их призы́в рабо́тники, рассе́янные по бе́регу и на пиро́гах, ста́ли собира́ться к хи́жинам. Наста́л час еды́. Че́рез не́сколько мину́т все собрали́сь вокру́г очага́, и среди́ глубо́кого молча́ния вожди́ нача́ли раздава́ть пи́щу.

Не́которое вре́мя слы́шалось то́лько шу́мное ча́вканье и и́зредка — гро́мкая ико́та.

С наслажде́нием уплета́я ма́леньких мяси́стых ры́бок с кра́сными то́чками на спине́, Крек вдруг заме́тил, скоре́й с изумле́нием, чем с испу́гом, неподалёку от очага́ двух зверько́в с о́стрыми уша́ми и дли́нным хвосто́м.

Зверьки́ сиде́ли неподалёку от люде́й и жа́дно смотре́ли на мя́со.

Живо́тные, каза́лось, гото́вы бы́ли ки́нуться на люде́й, но никто́ не обраща́л на них внима́ния. Это удиви́ло Кре́ка; он то́тчас встал, мо́лча схвати́л свою́ па́лицу и собра́лся хра́бро напа́сть на зверько́в. Но вождь пле́мени догада́лся о наме́рении ма́льчика, сде́лал ему́ знак положи́ть ору́жие и сно́ва приня́ться за еду́.

Вождь тут же ки́нул не́сколько косте́й живо́тным, и те жа́дно наки́нулись на эту ску́дную пода́чку и, ворча́, оспа́ривали её друг у дру́га.

Старе́йший удиви́лся не ме́ньше Кре́ка, но вождь объясни́л им, что э́ти зверьки́ давно́ уже́ привы́кли жить о́коло люде́й.

Не́сколько лет тому́ наза́д, в холо́дное зи́мнее вре́мя, зверьки́ э́ти вы́шли и́з лесу и броди́ли во́зле ла́геря. Должно́ быть, их му́чил го́лод. Одна́жды кто́-то бро́сил в них ко́стью. Но зверьки́ не испуга́лись, а подошли́ побли́же и приняли́сь глода́ть её. Так продолжа́лось не́сколько дней подря́д.

— Живо́тные, — доба́вил нача́льник, — по́няли, что их не убью́т, что во́зле люде́й мо́жно пола́комиться ко́стью, и оста́лись здесь жить. Когда́ охо́тники пресле́дуют оле́ня и́ли ка-

ку́ю-нибудь другу́ю дичь, они́ бегу́т впереди́ и кру́жатся о́коло добы́чи, подгоня́я её к охо́тникам. Поэ́тому мы не ста́ли их убива́ть.

Старе́йший до́лго и с восхище́нием разгля́дывал зверько́в, подружи́вшихся с челове́ком. Он и не подозрева́л, что по́зже пото́мки э́тих звере́й утра́тят ди́кий нрав и ста́нут на́шими ве́рными помо́щниками и това́рищами — соба́ками...

Поко́нчив с едо́й, все улегли́сь спать. Но о́тдых дли́лся недо́лго, вско́ре все с но́выми си́лами приняли́сь за рабо́ту. Не́сколько охо́тников вме́сте с зверька́ми отпра́вились в лес. С ни́ми ушли́ Гель, Рюг и Крек. Оста́вшиеся приняли́сь крепи́ть сва́и; же́нщины и де́ти скобли́ли шку́ры, натира́ли их мо́крым песко́м и жи́ром, что́бы сде́лать их мя́гкими и лёгкими.

Старе́йший и нача́льник посёлка усе́лись во́зле очага́ и приняли́сь изготовля́ть наконе́чники для стрел. Это бы́ли превосхо́дные мастера́. Из небольши́х кусо́чков кремня́ они́ выде́лывали то́нкие и гла́дкие острия́.

Стре́лы с таки́ми наконе́чниками могли́ тяжело́ пора́нить да́же огро́много ло́ся и зу́бра.

Если вы бу́дете в музе́е, останови́тесь о́коло колле́кции ору́жия ка́менного ве́ка и погляди́те на неё внима́тельно.

Ско́лько терпе́ния, упо́рства, мастерства́ на́до бы́ло затра́тить, что́бы преврати́ть кусо́к бесфо́рменного ка́мня в гла́дко отшлифо́ванный то́нкий наконе́чник стрелы́ и́ли тяжёлый молото́к.

У первобы́тных мастеро́в не́ было ни на́ших инструме́нтов, ни на́ших станко́в, и всё же они́ уме́ли изготовля́ть те соверше́нные ве́щи, кото́рыми мы любу́емся тепе́рь.

В то вре́мя, как о́ба старика́ рабо́тали на помо́сте сва́йного посёлка, Крек броди́л по лесно́й ча́ще. Вдруг он услы́шал звук, сло́вно кто́-то раску́сывает оре́х; треск шёл с верху́шки де́рева. Быть мо́жет, э́то щёлкал оре́хи како́й-нибудь грызу́н? Крек присе́л за высо́кие сухи́е па́поротники, что́бы скры́ться от глаз живо́тного, и взгляну́л вверх.

Ма́льчик изуми́лся, когда́ на верху́шке де́рева он уви́дел не грызуна́, а но́ги како́го-то челове́ческого существа́!

Крек бесшу́мно, сло́вно змея́, зары́лся в траву́ и, чуть дыша́, стал выжида́ть, погля́дывая на верху́шку де́рева.

Существо́, щёлкавшее оре́хи, с увлече́нием продолжа́ло своё заня́тие. Это, ви́димо, и помеша́ло ему́ расслы́шать ше́лест травы́, раздвига́емой Кре́ком. Наконе́ц, оборва́в все оре́хи на де́реве, челове́к реши́л спусти́ться на зе́млю.

Он проде́лал э́то бесшу́мно и о́чень ло́вко; у подно́жия де́рева он перевёл дух и бы́стро скользну́л в ча́щу.

Он так и не заме́тил, не почу́ял молодо́го охо́тника.

Но Крек успе́л его́ рассмотре́ть. Этот челове́к не походи́л ни на одного́ из жи́телей посёлка, с кото́рыми Крек успе́л познако́миться.

Лицо́ у него́ бы́ло волоса́тое, а ше́ю охва́тывало ожере́лье из когте́й медве́дя.

Кто же был э́тот незнако́мец?

Крек вздохну́л свобо́дно по́сле ухо́да челове́ка с ожере́льем, он был дово́лен, что отде́лался так про́сто. В пе́рвую мину́ту Крек хоте́л бежа́ть в посёлок, но, поду́мав, реши́л снача́ла вы́яснить, куда́ напра́вился незнако́мый охо́тник.

Крек ки́нулся вслед за незнако́мцем. Ма́льчик бы́стро насти́г его́ и, припа́в к земле́, попо́лз за ним так бли́зко, что ви́дел, как ме́дленно поднима́лась трава́, примя́тая его́ нога́ми.

За́пах ти́ны и водяны́х расте́ний, снача́ла едва́ заме́тный, пото́м всё бо́лее и бо́лее о́стрый, возвести́л Кре́ку, что они́ приближа́ются к бе́регу о́зера. И он не оши́бся. Ско́ро к ше́лесту ли́стьев и ветве́й присоедини́лся и плеск воды́. Ме́жду дере́вьями и расте́ниями па́дали по́лосы све́та, они́ станови́лись всё я́рче и я́рче.

У опу́шки ле́са Крек останови́лся. Он уви́дел, что незнако́мец, ничу́ть не скрыва́ясь, сме́ло прошёл по пусты́нному отло́гому бе́регу и напра́вился в ча́щу высо́кого тростника́, окаймля́вшего о́зеро. Пока́ он шёл по бе́регу, над тростнико́м внеза́пно появи́лись черноволо́сые го́ловы.

Крек пересчита́л их и́ли, верне́е, по́днял по па́льцу на ка́ждую го́лову (доистори́ческие ма́льчики не уме́ли счита́ть),

и увидел, что черноволо́сых бы́ло сто́лько, ско́лько у него́ па́льцев на двух рука́х да ещё оди́н па́лец на ноге́.

Крек о́чень хорошо́ рассмотре́л незнако́мцев и тепе́рь бо́льше не сомнева́лся: э́ти лю́ди не́ были жи́телями посёлка на воде́.

Он реши́л поскоре́е предупреди́ть свои́х това́рищей: ведь притаи́вшиеся в камыша́х лю́ди могли́ быть врага́ми. Крек не́медля пусти́лся в обра́тный путь. Он бежа́л по́ лесу уве́ренно, как хоро́шая охо́тничья соба́ка, и осторо́жно, как о́пытный лесно́й бродя́га.

Он ско́ро отыска́л охо́тников из посёлка. Это бы́ло как раз во́время. Рюг и Гель уже́ беспоко́ились, не зна́я, почему́ опа́здывал брат. Они́ проси́ли това́рищей подожда́ть хотя́ бы ещё немно́го.

— Ма́льчик ско́ро вернётся, — убежда́л Рюг, — я слы́шу его́ шаги́, он недалеко́ отсю́да.

Но охо́тники бы́ли о́чень недово́льны. Они́ встре́тили запыха́вшегося ма́льчика ворча́нием. Однáко но́вость, принесённая Кре́ком, сра́зу же заста́вила их позабы́ть своё недово́льство.

Охо́тники зна́ли о сосе́дних бродя́чих племена́х гора́здо бо́льше, чем Крек и его́ бра́тья. Поэ́тому, когда́ Крек описа́л им незнако́мцев, они́ встрево́жились. Разруби́в на ча́сти ту́шу уби́того оле́ня, они́ взвали́ли куски́ мя́са себе́ на пле́чи и поспе́шно дви́нулись к посёлку.

Но на берегу́ о́зера их поджида́ла но́вая беда́: двух ло́док не оказа́лось на ме́сте.

— Куда́ они́ дева́лись?

На пло́ском и́листом берегу́ видне́лись бо́розды, оста́вленные ло́дками, когда́ их выта́скивали на су́шу. Видне́лись и бо́розды от двух исче́знувших ло́док. Но как их спусти́ли обра́тно на́ воду, поня́ть бы́ло невозмо́жно. Никаки́х други́х следо́в нельзя́ бы́ло заме́тить.

Это бы́ло удиви́тельно, но вре́мени, что́бы рассле́довать таи́нственное происше́ствие, у охо́тников не́ было. На́до бы́ло как мо́жно скоре́е добра́ться до́ дому. Охо́тники столкну́ли на́

воду остáвшиеся лóдки и, си́льно взмáхивая вёслами, понесли́сь к посёлку.

Причáлив к помóсту, охóтники поспеши́ли к хи́жинам вождéй. Вскóре все вожди́ собрали́сь вокру́г очагá. Они́ позвáли Крéка и приказáли повтори́ть всё, что он рáньше говори́л охóтникам.

Вожди́ слу́шали Крéка с мрáчными ли́цами. Затéм они́ оживлённо и дóлго совещáлись мéжду собóй. Наконéц они́ обрати́лись к Старéйшему, котóрый прису́тствовал тут же. «Мáльчик смел и сообрази́телен», — сказáли вожди́ старику́ и поручи́ли ему́ поблагодари́ть Крéка от и́мени всех вождéй.

— Не будь мáльчика, — добáвил стáрший вождь, — враги́ застáли бы нас врасплóх. Ди́кие лесны́е бродя́ги, что скитáются по берегáм óзера, мóгут напáсть на нас. Опáсность великá; но кто остерегáется, тот силён. Эти бродя́ги давнó не появля́лись здесь, и мы реши́ли, что они́ поки́нули нáшу странý. Но, ви́димо, они́ скрывáлись в лесáх и тепéрь замышля́ют напáсть на нас.

Старéйший простёр свой жезл над головóй Крéка и лáсково положи́л ему́ ру́ку на плечó. Это былá большáя честь, и Крек был в востóрге.

Настáла ночь. Все нáскоро подкрепи́ли свои́ си́лы. Жéнщины и дéти укры́лись в хи́жинах. Лю́ди в пóлном молчáнии готóвились к защи́те посёлка. Сáмые си́льные охóтники снимáли подпóры у мосткóв, чтóбы враг не пробрáлся с бéрега. Оди́н отря́д вóинов затаи́лся в укрóмных местáх мéжду хи́жинами. Другóй — спусти́лся в пирóги и залёг в них. Пирóги стоя́ли вдоль свай перед мосткáми. Свéрху их прикры́ли тростникóм, сня́тым с крыш. На глáвном помóсте у очагá был постáвлен тóлько оди́н часовóй. Этот почётный пост по прикáзу вождя́ зáнял Рюг: все ужé знáли о егó необыкновéнном слу́хе. Лёжа у кострá, Рюг дóлжен был прислу́шиваться к ночны́м шóрохам и, éсли бы враг прибли́зился, предупреди́ть вождéй.

Рюг не имéл прáва вмéшиваться в би́тву. Как тóлько на помóсте завя́жется бой, ю́ноша дóлжен был разжéчь я́ркий огóнь и неустáнно поддéрживать егó.

В посёлке воцари́лась глубо́кая тишина́. Все за́мерли на свои́х места́х, чу́тко вслу́шиваясь в ночны́е зву́ки. Вре́мя тяну́лось ужа́сно ме́дленно. Внеза́пно Рюг по́днял ру́ку.

— Они́ иду́т, — прошепта́л вождь, поня́в движе́ние Рю́га. — Каки́е хитрецы́, — приба́вил он на́ ухо Старе́йшему, — ведь они́ наро́чно дожида́лись конца́ но́чи. Они́ ду́мают, что перед рассве́том сон всего́ сильне́е одолева́ет челове́ка и на́ши часовы́е мо́гут задрема́ть.

Круго́м цари́ла глубо́кая тьма и по́лное безмо́лвие. То́лько и́зредка вдали́ раздава́лся жа́лобный крик боло́тной пти́цы.

Рюг сно́ва по́днял ру́ку и лёг.

— Вот они́! — сказа́л вождь.

И в са́мом де́ле, во́ины различи́ли како́й-то ти́хий и необы́чный плеск, заглуша́вший по времена́м ме́рный и споко́йный го́вор волн.

Ма́ло-пома́лу э́тот плеск станови́лся ясне́е и ясне́е.

Приближа́лись реши́тельные мину́ты.

Рюг храпе́л. Его́ ми́рный и зво́нкий храп, наве́рно, подбодря́л враго́в и побужда́л их сме́ло подвига́ться вперёд. Враги́ зара́нее ра́довались, заме́тив, что часово́й ми́рно спит. При све́те сторожево́го огня́ они́ могли́ отчётливо разгляде́ть беззабо́тно развали́вшегося на помо́сте челове́ка. Часово́й спал, вме́сто того́ что́бы во́время заме́тить непри́ятеля и подня́ть трево́гу.

Враг был уже́ бли́зок, но во́ины посёлка не могли́ различи́ть ни одного́ зву́ка, похо́жего на стук вёсел о во́ду. Наве́рное, пиро́ги, укра́денные бродя́гами, и́ли их плот вели́ иску́сные пловцы́, сменя́вшие друг дру́га.

Пловцы́ подвели́ пиро́ги к сва́ям с той стороны́, где стоя́ли ло́дки с укры́вшимися под свя́зками тростника́ во́инами.

Оди́н за други́м напада́ющие поле́зли на помо́ст. Они́ кара́бкались бесшу́мно, сло́вно водяны́е кры́сы. Че́рез мгнове́ние над кра́ем помо́ста показа́лись чёрные го́ловы. Широко́ откры́тые глаза́ враго́в свире́по блесте́ли при све́те костра́.

Наконе́ц они́ взобрали́сь на помо́ст. С их сму́глых волоса́-

тых тел струилась вода́. Тот, кто шёл во главе́, показа́л своим това́рищам на усну́вшего Рю́га и, взмахну́в копьём, дви́нулся к спя́щему.

Но Рюг не спал. Притворя́сь спя́щим, он незаме́тно придви́нул к очагу́ сухо́й вале́жник, обли́тый смоло́й: бро́шенный в костёр, он до́лжен был мгнове́нно вспы́хнуть.

Вождь лесны́х разбо́йников подкра́лся к Рю́гу, гото́вясь пронзи́ть спя́щего копьём. Но сме́лый ю́ноша бы́стро поверну́лся, бу́дто во сне, и откати́лся в сто́рону. В тот же миг он ло́вко втолкну́л в ого́нь вале́жник, кото́рый вспы́хнул тепе́рь я́рким пла́менем.

Ре́зкий свет ослепи́л чужо́го вождя́, и он на мгнове́ние останови́лся с по́днятой руко́й.

Это нево́льное замеша́тельство оказа́лось для него́ роковы́м. Не успе́ло его́ копьё вонзи́ться в то ме́сто, где то́лько что лежа́л Рюг, как во́ины посёлка со всех концо́в помо́ста бро́сились и окружи́ли вы́садившихся дикаре́й.

На помо́сте разгоре́лась ожесточённая би́тва. Защи́тники посёлка сража́лись с отча́янной я́ростью. Уда́ры дуби́н и па́лиц сы́пались на обезу́мевших черноволо́сых, сло́вно уда́ры цепо́в на снопы́ хле́ба.

Перед неприя́тельским вождём появи́лся Крек и вонзи́л ему́ кинжа́л в грудь. Челове́к упа́л, Крек мо́лча прико́нчил его́.

Ого́нь пыла́л я́рко, и Рюг без у́стали подбра́сывал всё но́вые и но́вые оха́пки сухо́го камыша́ и ветве́й. Если како́й-нибудь враг осме́ливался сли́шком бли́зко подойти́ к хра́брому ма́льчику, то Рюг, ве́рный своему́ до́лгу, сова́л в лицо́ неосторо́жному горя́щую головню́.

Лесны́е лю́ди сража́лись хра́бро и не ду́мали отступа́ть. Если ра́неный па́дал на помо́ст, он куса́л свои́х проти́вников за пя́тки.

Но ско́ро напада́ющие по́няли, что им не одоле́ть защи́тников посёлка. Их отря́д был сли́шком мал, что́бы одержа́ть побе́ду над хорошо́ вооружёнными и, гла́вное, зара́нее пригото́вившимися к бо́ю жи́телями посёлка. Тогда́ враги́ отступи́ли к мостка́м, веду́щим на бе́рег. Но мостки́ оказа́лись разо-

бранными. В отча́янии они́ ки́нулись к пиро́гам, рассчи́тывая захвати́ть их и бежа́ть под покро́вом но́чи.

Но и здесь их ждала́ неуда́ча. Едва́ они́ добрали́сь до кра́я помо́ста, как во́ины, спря́танные в ло́дках, повскака́ли со свои́х мест и, потряса́я ору́жием, оглаша́ли во́здух гро́зными, воинственными кли́ками.

Этого черноволо́сые не ожида́ли: они́ по́няли, что окружены́ и поги́бли.

Кто не́ был ра́нен, бро́сились в о́зеро. За ни́ми то́тчас же ки́нулись вдого́нку Гель-рыболо́в и други́е иску́сные пловцы́.

Ины́е, несмотря́ на тяжёлые ра́ны, продолжа́ли сто́йко сража́ться. Но таки́х бы́ло немно́го, и ско́ро все они́ полегли́ мёртвыми на за́литых кро́вью брёвнах помо́ста. Это был коне́ц бо́я.

Защи́тники посёлка тут же расположи́лись на о́тдых; одни́ осма́тривали свои́ ра́ны, други́е жа́дно пи́ли холо́дную, све́жую во́ду.

Вдруг разда́лся гро́мкий го́лос Рю́га: ю́ноша крича́л же́нщинам, что́бы они́ поскоре́й тащи́ли шку́ры и мочи́ли их в воде́.

Вождь и Старе́йший во вре́мя бо́я хладнокро́вно подава́ли во́инам ору́жие. Тепе́рь они́ поспе́шно напра́вились к Рю́гу узна́ть, что произошло́.

— Не сто́ит, — отве́тил большеу́хий ма́льчик, — сжига́ть всё на́ше то́пливо. На́до поскоре́е затуши́ть то, что бы́ло зажжено́. Смотри́те, у нас пол загора́ется!

И ве́рно: посёлку угрожа́ла но́вая стра́шная беда́ — пожа́р.

Одна́ко благодаря́ Рю́гу удало́сь предотврати́ть и э́ту опа́сность. Же́нщины хвата́ли шку́ры, мочи́ли их в о́зере и покрыва́ли и́ми тле́вший пол. Охо́тники таска́ли во́ду в сосу́дах из коры́ и залива́ли оча́г.

Когда́ ого́нь удало́сь потуши́ть, на́до бы́ло позабо́титься о ра́неных. Их размести́ли по хи́жинам и наложи́ли на их ра́ны повя́зки из све́жих ли́стьев и трав.

Тру́пы врагóв побросáли в óзеро. Но прéжде чем столкнýть в вóду тéло человéка с волосáтым лицóм, котóрого уби́л Крек, вождь сорвáл с негó ожерéлье из когтéй медвéдя и надéл егó на шéю мáльчика.

— Ты заслужи́л э́то ожерéлье, — сказáл вождь, — и я дарю́ егó тебé в знак благодáрности моегó нарóда.

Старéйший положи́л рýку на плечó Крéка и сказáл взволнóванным гóлосом:

— Тепéрь ты вóин, сын мой, и я довóлен тобóй.

На зарé появи́лся Гель-рыболóв: он плыл как ры́ба. Егó лицó бы́ло рассеченó от вискá до подборóдка каки́м-то óстрым орýдием, но э́то не мешáло емý улыбáться.

На вопрóс Старéйшего, где он так дóлго пропадáл, Гель сурóво отвéтил:

— Вмéсте с нéсколькими вóинами я закóнчил под водóй то, что вы нáчали на помóсте. А чтóбы тот, кто нанёс мне э́ту рáну, никогдá не узнáл меня́ по ней, я вы́колол емý глазá.

Глава X

СЛЕПОЙ ВОЖАТЫЙ

За э́той стрáшной нóчью послéдовал ряд спокóйных и ми́рных лет, и жизнь в мáленьком посёлке на свáях не омрачáлась никаки́ми происшéствиями.

За э́ти гóды Крек не раз отличáлся свои́м мýжеством, изобретáтельностью и лóвкостью. Егó чáсто хвали́ли, но он сумéл остáться скрóмным, и поэ́тому все люби́ли егó, и никтó не зави́довал емý, как бы ни отличáли егó стáршие. Кáждый ви́дел в нём бесстрáшного защи́тника посёлка, бýдущего вождя́.

Гель и Рюг охóтно признавáли за ним пéрвенство и люби́ли егó по-прéжнему.

Старéйший рáдовался, ви́дя, как уважáют егó люби́мого

ученика́. Одно́ огорча́ло старика́: он знал, что не доживёт до того́ дня, когда́ резно́й жезл вождя́ перейдёт в ру́ки Кре́ка.

Си́лы покида́ли старика́, и он я́вно слабе́л. Он почти́ не сходи́л на бе́рег и всё своё вре́мя проводи́л у очага́, бесе́дуя с нача́льниками пле́мени и́ли занима́ясь како́й-нибудь лёгкой рабо́той.

Когда́ же Старе́йший почу́вствовал, что коне́ц его́ бли́зок, он та́йно поручи́л Ге́лю и Рю́гу переда́ть Кре́ку в день, когда́ тот ста́нет вождём, дре́вний знак вы́сшей вла́сти — резно́й жезл из ко́сти се́верного оле́ня, кото́рым сам Старе́йший так до́лго че́стно и го́рдо владе́л.

По́сле э́того Старе́йший переста́л выходи́ть из свое́й хи́жины и че́рез не́сколько дней у́мер.

Обы́чно жи́тели сва́йного посёлка хорони́ли свои́х уме́рших на дне о́зера, о́коло са́мой дере́вни, засыпа́я их тела́ гру́дой ка́мня и гра́вия. Но Старе́йший — вождь, он оказа́л пле́мени мно́го услу́г. Поэ́тому в знак осо́бого уваже́ния его́ реши́ли похорони́ть в земле́.

Так и сде́лали. Старе́йшего торже́ственно похорони́ли далеко́ от о́зера, в споко́йной, поро́сшей ле́сом го́рной доли́не. На похорона́х, кро́ме Кре́ка с бра́тьями, прису́тствовали все вожди́ пле́мени и отря́д во́инов. Над моги́лой наброса́ли большу́ю гру́ду камне́й. Зате́м все отпра́вились в обра́тный путь к ую́тным хи́жинам на о́зеро.

Крек и его́ бра́тья шли мо́лча, лишь и́зредка огля́дываясь на исчеза́ющие в тума́не леса́ и холмы́, те леса́, среди́ кото́рых поко́ился Старе́йший. Но остальны́е во́ины возвраща́лись весёлые, оживлённо бесе́дуя о свои́х дела́х. В те времена́ лю́дям жило́сь сли́шком тру́дно, и они́ не могли́ до́лго грусти́ть и́ли ра́доваться.

Так и тепе́рь: едва́ похорони́в Старе́йшего, они́ уже́ ни о чём друго́м не ду́мали, как о возвраще́нии в родны́е хи́жины и о бу́дущих охо́тах.

К но́чи отря́д вы́шел и́з лесу на откры́тую равни́ну. В э́ту мину́ту передовы́е во́ины-разве́дчики останови́лись.

Они́ увида́ли ю́ношу и двух моло́деньких же́нщин, сиде́вших на ко́рточках на земле́. Ря́дом с ни́ми лежа́л како́й-то челове́к, мно́го ста́рше их, кото́рый, каза́лось, то́лько что у́мер и́ли умира́л. Тро́е незнако́мцев изнемога́ли от уста́лости и перенесённых в пути́ лише́ний.

В не́скольких шага́х от старика́ в лу́же кро́ви валя́лся труп медве́дя.

Разве́дчики кри́ком предупреди́ли ше́дших сза́ди. Во́ины вме́сте с вождём жи́во окружи́ли несча́стных.

Молоды́е же́нщины и ю́ноши с трудо́м подняли́сь на́ ноги. Они́ взгля́дами и же́стами умоля́ли пощади́ть их. Ю́ноша обрати́лся к вождю́ с ре́чью. Но никто́ из озёрных жи́телей не мог поня́ть его́ слов. В э́ту мину́ту подоспе́л Крек. Едва́ слова́ незнако́мца долете́ли до его́ слу́ха, как он вздро́гнул и бы́стро огляну́лся на бра́тьев. На ли́цах Рю́га и Ге́ля отража́лось тако́е же изумле́ние и трево́га.

Что же так взволнова́ло бра́тьев?

С тех пор как бра́тья попа́ли в озёрный посёлок, они́ бы́стро осво́ились с языко́м его́ обита́телей и так привы́кли к нему́, что и ме́жду собо́й не говори́ли ина́че как на озёрном наре́чии. Но язы́к родно́й пеще́ры они́ не позабы́ли. Отде́льные слова́ они́ ещё по́мнили. И тепе́рь они́ услы́шали их из уст незнако́мца.

Ю́ноша говори́л на языке́ их родно́го пле́мени!

В су́мерках тру́дно бы́ло разгляде́ть ли́ца и оде́жду э́тих несча́стных. Но бра́тья не сомнева́лись, что пе́ред ни́ми беглецы́ с берего́в их родно́й реки́.

Они́ подели́лись свое́й дога́дкой с вождём, и тот приказа́л им неме́для расспроси́ть злополу́чных пу́тников.

Пока́ они́ бесе́довали, во́ины разложи́ли костёр и предложи́ли чужезе́мцам во́ду и пи́щу. Пу́тники, изму́ченные жа́ждой, наки́нулись на во́ду, но от еды́ отказа́лись.

Попыта́лись та́кже влить хоть не́сколько ка́пель живи́тельной вла́ги в сжа́тые гу́бы старика́, лежа́вшего на земле́, но стари́к был мёртв.

Крек стал расспра́шивать несча́стных, внима́тельно вгля-

дываясь при све́те костра́ в их худы́е, костля́вые ли́ца, покры́тые гря́зью и цара́пинами.

Молоды́е же́нщины молча́ли, ви́димо совсе́м изнурённые, говори́л то́лько ю́ноша.

— Мы пришли́ издалека́. — Так на́чал он свой расска́з. — На́ша ро́дина там, — и он указа́л руко́й на темне́ющий лес, — за э́тими гора́ми и леса́ми. Там, в пеще́рах на берегу́ огро́мной реки́, прожива́ла на́ша семья́. Нас бы́ло мно́го, на́ши охо́тники бы́ли иску́сны, пеще́ра была́ надёжным прию́том — мы не голода́ли и легко́ переноси́ли суро́вые холода́. Но вот две и́ли три зимы́ тому́ наза́д побли́зости от нас посели́лось чужо́е свире́пое пле́мя. Эти разбо́йники не то́лько истребля́ли дичь в сосе́дних леса́х, но и напада́ли на на́ших охо́тников. Они́ устра́ивали заса́ды во́зле на́шей пеще́ры, похища́ли и убива́ли мужчи́н и же́нщин. Ка́ждую ночь мы жда́ли нападе́ния на пеще́ру. Мы не раз дава́ли им суро́вый отпо́р. Но их бы́ло сли́шком мно́го, и победи́ть их мы не могли́. Пришло́ вре́мя, когда́ почти́ все на́ши во́ины и охо́тники поги́бли в крова́вой схва́тке с врага́ми. Оста́вшиеся в живы́х реши́ли поки́нуть пеще́ру и, забра́в же́нщин и дете́й, ушли́ иска́ть спасе́ния в леса́х. Но враги́ гнали́сь за на́ми, мно́гих переби́ли и́ли захвати́ли в плен. То́лько я, э́ти же́нщины и э́тот стари́к спасли́сь от пресле́дования. Мы шли, бежа́ли куда́ глаза́ глядя́т, не остана́вливаясь ни днём ни но́чью, и на́ши враги́ ма́ло-пома́лу отста́ли. Тут то́лько мы немно́го отдохну́ли. Этот стари́к взя́лся вы́вести нас к берега́м прекра́сного о́зера. Но путь был о́чень тяжёл; стари́к был слаб, не раз он отча́ивался и проси́л бро́сить его́ в лесу́.

— Почему́ он проси́л вас об э́том? — сказа́л Крек.

— Ему́ каза́лось, что он то́лько обременя́ет нас, он был слеп.

— Слеп?

— Да, слеп. Он ничего́ не ви́дел. Он был чужо́й на́шему пле́мени. Мы встре́тили его́ в лесу́ во вре́мя охо́ты. Он броди́л в лесно́й ча́ще, умира́я от го́лода. Отку́да он, никто́ не знал. На́ши вожди́ его́ подобра́ли и приюти́ли.

— При́няли к себе́ слепо́го! На что он го́ден? — вскрича́л удивлённый Крек.— Ва́ши вожди́ поступи́ли не о́чень у́мно.

— На́ши старе́йшины ду́мали не так, — отве́тил ю́ноша. — Они́ при́няли слепо́го чужезе́мца, потому́, что он обеща́л, е́сли ему́ сохраня́т жизнь, отблагодари́ть со вре́менем за таку́ю ми́лость. Он обеща́л указа́ть нам доро́гу в неизве́стную прекра́сную страну́, где тепло́ и мно́го ди́чи, мно́го вку́сных плодо́в и коре́ньев. Там, говори́л он, живётся легко́ и приво́льно и лю́ди устра́ивают себе́ дома́ на воде́.

«Так э́тот слепо́й ви́дел на́ше о́зеро!» — поду́мал удивлённый Крек.

— Слепо́й во́ин жил и корми́лся у нас, ожида́я, когда́ на́ши старе́йшины реша́тся наконе́ц пересели́ться в другу́ю страну́. Но они́ сли́шком до́лго собира́лись... «Слепе́ц мно́го зна́ет и поле́зен нам свои́ми сове́тами», — говори́л са́мый ста́рый из на́ших вожде́й. И в са́мом де́ле, чужезе́мец знал и учи́л нас мно́гим ва́жным веща́м.

— Зна́чит, он суме́л стать вам поле́зным, и вы бы́ли пра́вы, оста́вив ему́ жизнь и приюти́в его́ у себя́, — сказа́л Крек.

Крек, как и все первобы́тные лю́ди, счита́л, что кале́к, убо́гих, обесси́левших от боле́зней и́ли ста́рости — всех, кто стал тяжёлой обу́зой для остальны́х, — на́до изгоня́ть, обрека́я на ги́бель. Это был тако́й же долг, как по́мощь това́рищу на охо́те и́ли отва́жная смерть в бою́ при защи́те родно́го очага́.

Молодо́й чужезе́мец продолжа́л свой расска́з:

— Мы не бро́сили слепца́, и я корми́л его́ тем, что добыва́л на охо́те. Он был до́брым сове́тником и о́пытным вожа́тым. Мы расска́зывали ему́ о том, что ви́дели и встреча́ли на своём пути́: о не́бе и земле́, о дере́вьях и расте́ниях — сло́вом, обо всём. А он ука́зывал нам, в каку́ю сто́рону идти́.

Путь был до́лгий и тру́дный. Слепо́й слабе́л с ка́ждым днём. Он боя́лся, что умрёт, пре́жде чем доведёт нас до чуде́сной страны́. И вот одна́жды ве́чером он рассказа́л, куда́ нам идти́. Он заговори́л о наро́де, с кото́рым мы должны́ встре́титься.

«Они́, наве́рно, даду́т вам прию́т, потому́ что вы придёте к ним проси́телями, а не врага́ми, — сказа́л он и затём приба́вил: — Когда́-то я та́йно броди́л по их владе́ниям; я был не оди́н, и глаза́ мои́ ещё ви́дели со́лнечный свет. Мно́го дней я следи́л за э́тими людьми́. К ним я и веду́ вас тепе́рь. Они́ ми́рно лови́ли ры́бу на берега́х о́зера, пла́вали по воде́ на древе́сных ствола́х, иску́сно вы́долбленных внутри́. Мы захоте́ли овладе́ть их прекра́сными жили́щами, чу́дным ору́жием, великоле́пными ло́дками. Тогда́ мы могли́ бы споко́йно спать и всегда́ име́ть оби́льную пи́щу. Мы не́сколько раз пыта́лись победи́ть их. Но все на́ши попы́тки бы́ли тще́тны! Эти счастли́вые лю́ди уме́ли постоя́ть за себя́. Наконе́ц мы реши́ли захвати́ть их враспло́х и напа́ли но́чью на со́нный посёлок. Но и э́то не удало́сь. Мно́го на́ших во́инов поги́бло в бою́. Не́которые, и среди́ них я, пыта́лись спасти́сь, бро́сившись в тёмные во́ды о́зера...»

— Но вдого́нку за ни́ми ки́нулись победи́тели, — подхвати́л Крек, с жа́ром переби́в молодо́го чужезе́мца. — Вожа́тый до́лжен был и э́то откры́ть вам, — приба́вил он с усме́шкой торжества́. — То́лько оди́н из беглецо́в оста́лся живы́м. Как он спа́сся, я не зна́ю, но у него́ в схва́тке с на́шим во́ином бы́ли вы́колоты глаза́!

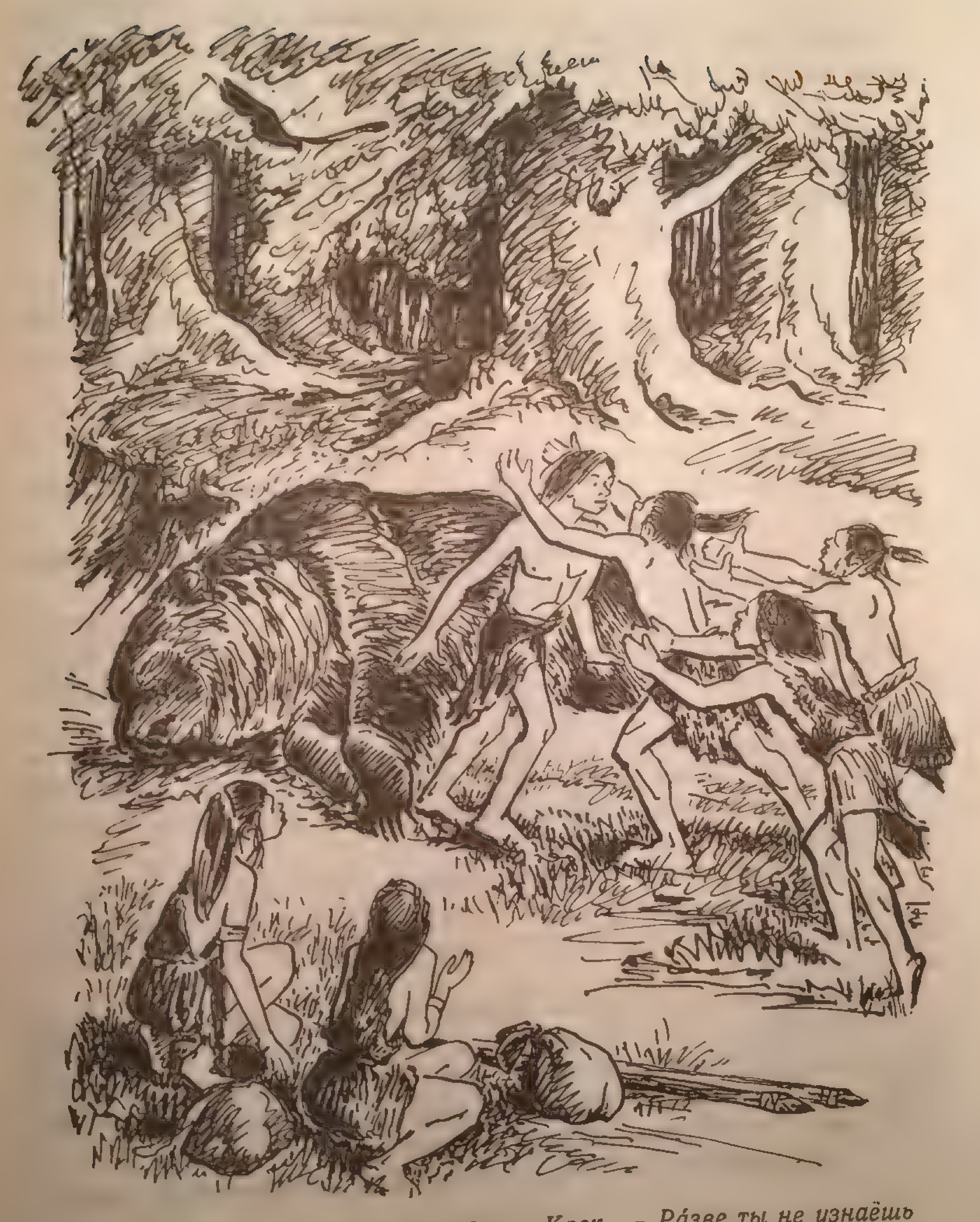
— Вождь, ты прав! — воскли́кнул ю́ноша. — Я ви́жу, что попа́л к тем са́мым лю́дям, о кото́рых говори́л мне стари́к. Вы как раз из э́того пле́мени, на кото́рое он не́когда напа́л. Вождь! — продолжа́л молодо́й челове́к твёрдым го́лосом, протя́гивая ру́ки. — Де́лай со мной что хо́чешь, но пощади́ э́тих несча́стных же́нщин! Я ваш пле́нник, но ва́шего врага́ уже́ нет в живы́х.

Слепо́й и сла́бый, он у́мер как хра́брый во́ин в схва́тке с медве́дем, кото́рый напа́л на него́, пока́ мы ходи́ли иска́ть во́ду. Он был храбре́ц, и зва́ли его́ Безгла́зым. Я сын вождя́, и меня́ зову́т Ожо.

Крек и его́ бра́тья вскри́кнули от удивле́ния.

— Ожо!.. — повтори́ли вме́сте три бра́та. — Ожо!..

— Да, Ожо.

— Ожо, Ожо! — крича́л от ра́дости Крек. — Ра́зве ты не узнаёшь меня́, и Ге́ля, и Рю́га?

— Это он!.. Это брат!.. — прошепта́ли Гель и Рюг, сжима́я ру́ки Кре́ка и дрожа́ от ра́достного волне́ния.

— Я то́же так ду́маю, — пробормота́л Крек, — но, — приба́вил он, ве́рный свое́й осторо́жности, — быть мо́жет, э́то враг, его́ зову́т и́менем на́шего бра́та Ожо. — И, обраща́ясь к чужезе́мцу, Крек гро́мко спроси́л: — Кто э́ти же́нщины?

— Эти же́нщины мои́ сёстры, до́чери вождя́.

— Их зову́т?

— Маб и Он.

Едва́ э́ти слова́ сорвали́сь с уст незнако́мца, как его́ обняли чьй-то си́льные ру́ки, и он услы́шал приве́тливые восклица́ния.

— Ожо, Ожо! — крича́л вне себя́ от ра́дости Крек. — Ра́зве ты не узнаёшь меня́, и Ге́ля, и Рю́га?

Не ну́жно опи́сывать изумле́ние Ожо при э́тих слова́х, оно́ поня́тно и без слов.

Маб и Он каза́лось, что они́ ви́дят во сне, бу́дто ма́ленький Крек преврати́лся в прекра́сного молодо́го во́ина.

Зате́м Крек подошёл к вождю́, кото́рый прилёг у костра́, пока́ бра́тья разгова́ривали с молоды́м незнако́мцем. Крек рассказа́л ему́, с кем они́ встре́тились, и почти́тельно проси́л его́ поми́ловать Ожо и сестёр.

— Их привёл сюда́ наш враг, но тепе́рь он мёртв. Ожо — ло́вкий, осторо́жный, пре́данный и че́стный ю́ноша. Он бу́дет усе́рдно служи́ть пле́мени, кото́рое при́мет его́ к себе́. Я отвеча́ю за него́, — сказа́л Крек.

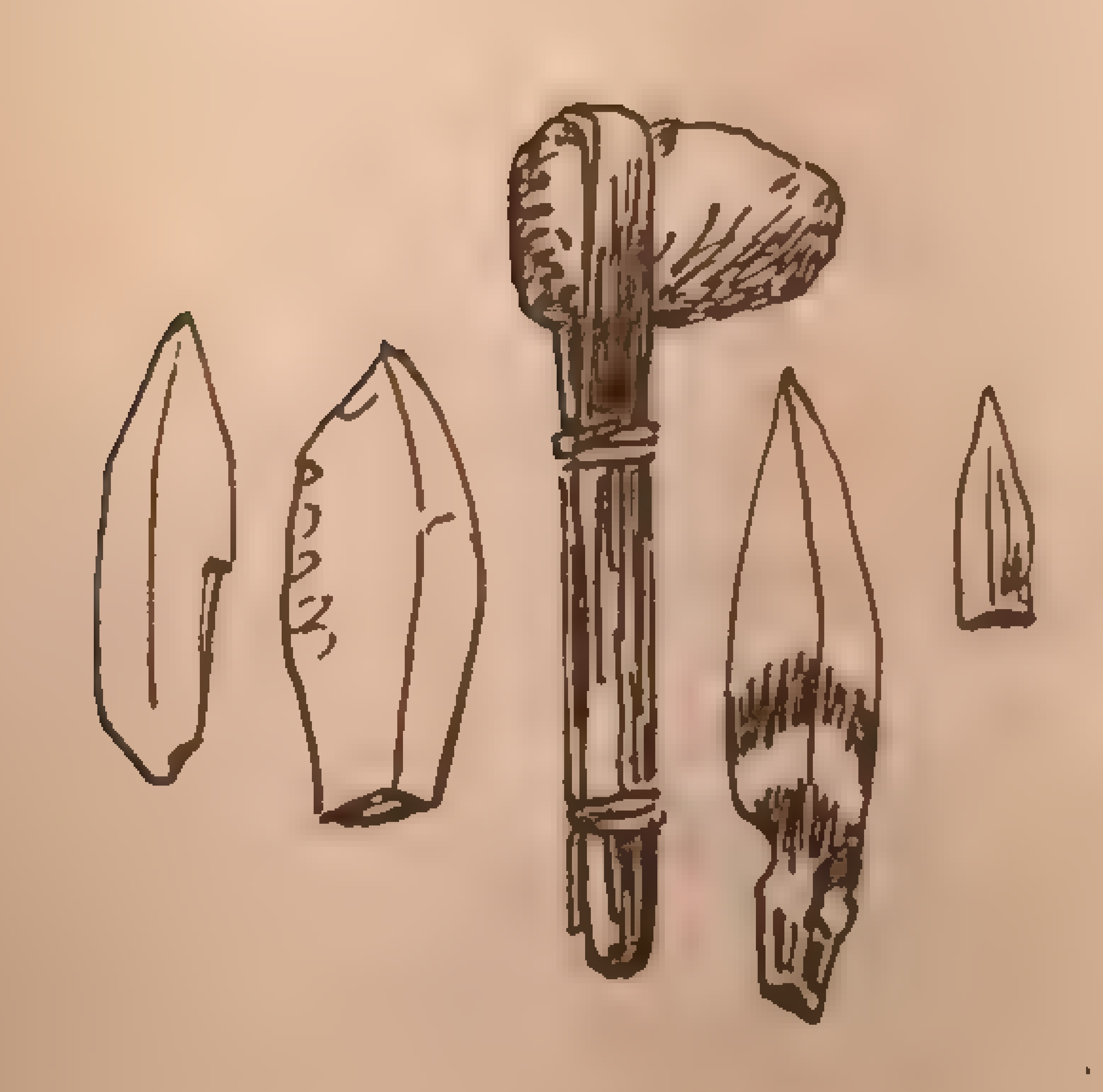
— Если э́то так, Крек, я до́лжен благодари́ть тебя́, — сказа́л вождь, — ты да́ришь на́шему пле́мени но́вого поле́зного чле́на. Пусть бу́дет по-тво́ему. За́втра я покажу́ на́шим молодо́го во́ина.

Ночь прошла́ споко́йно. Во́ины кре́пко спа́ли, но Крек, Гель-рыболо́в и Рюг-большеу́хий, си́дя у костра́, наперебо́й расска́зывали Ожо и сёстрам, как они́ живу́т в посёлке на о́зере. А Ожо ещё раз повтори́л свой расска́з о после́дних года́х жи́зни в пеще́ре и ги́бели их семьи́.

— Ещё задо́лго до би́твы, кото́рая ста́ла роково́й для на-

шей семьи́,— так зако́нчил Ожо свою́ печа́льную по́весть,— старе́йшины прости́ли тебе́, Крек, смерть огня́ и сожале́ли, что ты ушёл...

Наступа́л рассве́т. Вождь просну́лся и приказа́л неме́для дви́нуться в путь. Че́рез не́сколько часо́в де́ти пеще́ры подошли́ к берега́м прекра́сного о́зера. Го́ды тяжёлых стра́нствий и го́рькой разлу́ки око́нчились для них навсегда́.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Д' Эрвильи

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ДОИСТОРИЧЕСКОГО МАЛЬЧИКА

Повесть

Ответственный редактор
И. М. Пугачева

Художественный редактор
В. А. Горячева

Технический редактор
Н. Д. Лаукус

Корректор
Т. П. Лейзерович

Сдано в набор 11/XII 1972 г. Подписано к печати 15/III 1973 г. Формат $70\times90^1/_{16}$. Бум. офс. № 1. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 7,02. (Уч.-изд. л. 5,26). Тираж 150 000 экз. Заказ № 111. Цена 37 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Калининский полиграфкомбинат детской литературы Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, проспект 50-летия Октября. 46.

Д'Эрвильи

Э74 Приключения доисторического мальчика. Повесть. Обраб. Б. М. Энгельгардта. Рис. Э. Кондиайн. М., «Дет. лит.», 1973.

96 с. с ил. (Школьная б-ка для нерусских школ).

Повесть французского писателя Д'Эрвильи рассказывает о суровой борьбе первобытного человека с грозными силами природы. В центре повести судьба и приключения мальчика, жившего много тысяч лет назад.

И(Фр)

Цена 37 коп.